

Тане Юргенсон,
само-бытному, яркому поэту,
мужественной женщине, умеющей
преодолевать все невзгоды
непростой своей жизни.

С уважением и самыми
светлыми пожеланиями
С. Луцкий, 3 августа 2024

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

ОГЛЯНУВШИСЬ С ЛЮБОВЬЮ

ПОВЕСТЬ О ДЕТСТВЕ

Москва, 2024

УДК 82-32
ББК 84(2)6
А-86

А-86 Оглянувшись с любовью. Повесть о детстве. /С. Луцкий
М.: Наш круг, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-00240-036-2

Повесть «Оглянувшись с любовью» адресована как детям, так и взрослым. Взрослым она позволит вернуться в своё детство, выпавшее на пятидесятые–шестидесятые годы теперь уже прошлого века. А юные читатели узнают, чем жили, что радовало или огорчало их старших родственников, когда тем было столько же лет, сколько теперь им. И можно ли по-настоящему влюбиться, когда тебе десять лет. А потом всю жизнь помнить об однокласснице с карими глазами.

Действие повести происходит в военном городке на окраине Баку. Быт городка, служба родителей, самобытная южная природа, оазис парка имени Низами, Каспийское море со сторожевыми кораблями, разноцветный свет маяка на берегу... Об этом и о многом другом рассказывает Сергей Луцкий в своём произведении.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

УДК 82-32

ББК 84(2)6

© Луцкий С., 2024

ООО «Экоэнергосервис»

ISBN 978-5-00240-036-2

*Память возвращается, как птица –
в то гнездо, в котором родилась...*

Николай Рубцов

ПАПА ПРИЕХАЛ!..

– Мацон! Мацон! – слышится за окном.

Это дед Акрам. Он привёз в наш военный городок мацони. Я ещё лежу в постели. Не открывая глаз, представляю и старого Акрама с седой щетиной на щеках, и его перемётные сумки с банками мацони, и тонконового ослика, который везёт деда Акрама с его сумками. Ослик сильный, хотя и маленький, дед Акрам на нём как гора.

Я слышу, как торопливо хлопают двери нашего щитового то ли финского, то ли немецкого дома. Это мама со стеклянной банкой в руке – надо успеть купить мацони, желающих среди офицерских жён хватает. Чистая стеклянная банка – обязательно, её дед Акрам требует взамен банки с мацони.

– Почему без банка? Иди домой, скажи мама, пусть банка даёт, – слышно, как говорит он

какой-то, наверно, девочке. – Акрам лишний банка нет. Иди, да, не стой, да. – Мацонщик непреклонен.

Я неожиданно вспоминаю, что ещё не ходил проведать наседку. Вдруг цыплята уже вывелись, и я буду первый, кто расскажет об этом папе!.. Быстро вскакиваю с постели, мимоходом сталкиваю на пол котёнка Черныша, любовавшего нашу с братом кровать. Стараясь не разбудить Витальку – а то обязательно увяжется, – на цыпочках иду к кладовке. Тихо открываю дверь...

Разводить курей в нашем городке стали недавно. Мама купила клушу в рабочем посёлке и яйца тоже. Яйца нужны обязательно домашние – там, где есть петух. Среди тех, что из военторга, много болтунов. Клуша на таких может сидеть хоть сто лет, цыплят всё равно не будет.

Как у всех офицерских семей, у нас есть сарай для угля и дров. В этот сарай мама и собирается перевести цыплят, когда они подрастут. Но это ещё только будет, а пока мы ждём, когда цыплята вылупятся. Каждому хочется первым узнать об этом.

Увидев меня, наседка недовольно квохчет, топорщит перья и становится похожей на большой белый шар. Но цыплячьего писка не

слышно. Ещё не проклянулись, думаю я, хотя мама говорила, что должны со дня на день. И оттого, что это не произошло, мне становится досадно. А так хотелось обрадовать папу!.. Звонко шлёпая босыми ногами по крашеному полу, возвращаюсь в спальню.

Мама приходит довольная, на кухне слышен её весёлый голос. Значит, мацони нам достался. Довольна мама ещё потому, что у нас сегодня особый день – приехал с острова папа. И поэтому в квартире сложный запах офицерской португеи, хромовых сапог и одеколona «Шипр». Им папа освежается после бритья трофейной бритвой с плохо запоминающимся названием «Золинген».

Офицеров, служащих на острове, отпускают домой не так уж часто. А если отпускают на целые сутки, праздник вдвойне. Тогда у нас начинаются походы в парк Низами с его обязательными каруселями и мороженым, на базар у фабрики имени Ленина – сейчас там урюк, грозди прошлогоднего сморщенного, но очень сладкого винограда кишмиш, бордовые пирамиды граната. Летом базар будет полон арбузов, дынь, груш, винограда «дамские пальчики», инжира и многого другого.

А вечером в выходной папин день мы всей семьёй идём в кино в ближний от военного

городка район Баку – Электроток. Когда возвращаемся домой, всю дорогу за нами на небе плывет, ничуть не отставая, луна. Меня и Витальку это озадачивает. «Она очень большая, поэтому», – объясняет папа. Но мы же видим, что луна величиной всего лишь с тарелку! «В школе вам всё расскажут», – говорит мама. Ей не до луны, она переживает события индийского фильма «Бродяга».

Маму мы с братом любим, но папу – особенно. Наверно ещё потому, что редко его видим. К тому же он весёлый выдумщик. Меня, например, называет Коммерсантом. Папа говорит, что я сметлив, быstroглаз и жуликоват – часто обманываю брата. Виталька в отместку называет меня Комса. Слово «коммерсант» ему ещё не дается. Виталькино домашнее имя Бухгалтер. В два годика он переболел малярией и потому бледный, медлительный, а в коричневом своём пальтишке, купленном на вырост, наверно, и в самом деле похож на бухгалтера. Просто так папа говорить не станет.

Папа никому не даёт скучать. Например, может объявить конкурс между мной и братом на лучшее исполнение песни или стихотворения. Или кто из нас сумеет достать большим пальцем ноги собственный нос. Порой в этом соревновании, неловко посмеиваясь,

принимает участие даже мама. Папа великодушен, по рублю получает и победитель, и побеждённый. В итоге никому не обидно.

– Хлопцы, подъём. – Папа появляется в нашей с Виталькой комнате. Он снял военную форму ещё вечером, когда приехал с острова, и сейчас в домашних пижамных брюках и в туго облегающей живот синей майке. – Завтракать и – за торфом! Вы помните задачу, которую мама поставила перед нами?

– Так точно, – подражая солдатам, отвечаю я. Впрочем, без особой радости. Ни парка Низами, ни кино на Электротоке, ни базара у фабрики имени Ленина с его богатством нам сегодня не видать.

– Вот и ладно. Быстро встали, умылись и завтракать!.. Дядя Гриша нас, наверно, дождался. Как думаете?

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Это я о нашем военном городке имени Ази Асланова. Он находится на берегу Каспийского моря, рядом со столицей Азербайджана Баку. Наша семья живёт здесь третий год. А до этого мы жили в Станции Насосной, тоже военном городке. А ещё раньше – в Германии и во Львове, но я этого не помню, был малень-

ким, знаю из рассказов мамы. «Кочевая офицерская жизнь», – говорит мама.

Окраину Баку можно было бы назвать пустыней, если бы не щитовые дома и редкие деревца возле них. Зимой по городку несутся, подпрыгивая и сбиваясь в большие комя, шары верблюжьей колючки. Ранней весной всего несколько дней цветут маки. Потом почти всё выгорает под солнцем.

Зима здесь совсем не похожа на ту, о которой читала нам в книжке «Детство Никиты» мама. А позже, когда мы с Виталькой подрастём, станем читать сами. Это наша любимая книга. Её купил где-то папа. За всю зиму снег в военном городке Ази Асланова выпадает два-три раза. И лежит с утра до обеда. Потом тает.

А в книжке о Никите снега так много, что ветер наметает огромные сугробы, которые лежат несколько месяцев. Мне и снег нравится, и Никита – он храбрый, не испугался быка, надавал ему шапкой по морде с острыми загнутыми рогами. А когда деревенские мальчишки дрались стенка на стенку, Никита так ударил головой в грудь наскочившего на него силача Стёпку Карнаушкина, что тот свалился в сугроб.

Снега у нас почти не бывает, а вот песка сколько угодно. Он везде. Скрипит в замоч-

ных скважинах, попадает, когда ветер, в глаза, тонкими полосками проникает на подоконники. Как песку это удастся – я не понимаю. Все щели в окнах мама законопатила, замазка плотно прилегает к стыкам рам и стёкол – а пожалуйста!..

Хотя наш военный городок стоит на берегу Каспийского моря, мы его почти не замечаем. Привыкли. Море кажется близким, на самом деле до него несколько километров. На рейде – из городка хорошо видно – всегда два-три военных корабля. Я долго не мог понять, почему один и тот же корабль может становиться то длиннее, то короче. Пока, наконец, семиклассник, а для нас, мелкоты, полубог Валера Самченко не объяснил. Это оттого, что корабли время от времени разворачиваются.

Ночью разным цветом взблескивает маяк на берегу. Любимый мой цвет сине-зелёный, он мне кажется волшебным. Живём мы у моря, но ходить к нему мама строго-настрога запретила. Боятся, что полезем купаться и утонем. То же в других офицерских семьях. Так и живём у моря, а плавать не умеем.

Да особо здесь и не поплаваешь. Цветная пленка нефти не только на воде – нефтью пропитан даже прибрежный песок. Если ветер дует со стороны старого «чёрного города», мама ни-

когда не вывешивает сушиться бельё. А то вся стирка, как говорит она, коту под хвост. После таких слов я внимательно присматриваюсь к нашему Чернышу. Под его хвост, что ли?..

Если бы не редкие деревца и кое-где тянувшийся на красные черепичные крыши виноград, наш посёлок выглядел бы унылым. Особенно сейчас, ранней весной. Три тутовых деревца растут под окнами нашей половины двухквартирного дома. Маме этого мало. Ей хочется хотя бы небольшой, но огород, как на её родине, Урале. Папа вывел из дома второй кран, воды хватает, но что может вырасти на песке? Оттого и сегодняшней наш поход на торфяную гору хромого дяди Гриши.

ХОЗЯИН ТОРФЯНОЙ ГОРЫ

Виноград папа посадить только собирается. А вот тутовые деревца появились, когда я пошёл в школу. В прошлом году на них были первые ягоды. Папа остался недоволен, мелкие и мало. И потому сегодня мы идём за торфом к горе дяди Гриши. Папа говорит, торф хорошее удобрение.

Дядя Гриша виден ещё издали, он занимается странным делом: куском кирпича трёт бок пёстрой корове.

Откуда эта торфяная гора, летом вся в густой высокой лебеде, никто не знает. Корова и поросята дяди Гриши здесь ни при чём. Он инвалид войны, вместо ноги у него деревянный протез, похожий на бутылку. В отличие от папы и других гладко выбритых офицеров нашего городка щёки и подбородок дяди Гриши покрыты густой щетиной. Ему разрешили держать рядом с военным городком сарай, в котором живут корова и поросята. Торфяная гора на его усадьбе, но у дяди Гриши никто не спрашивает разрешения брать торф. Торф считается общим.

Папа здоровается и угощает дядю Гришу папиросами «Казбек», на крышке которой скачет всадник в чёрной бурке.

– Как поживаете, господин помещик? – весело прищурившись, интересуется папа. Он открывает коробку с всадником в бурке и протягивает её дяде Грише. – Протез не подводит? Трудиться позволяет?

Дядя Гриша настороженно оглядывается по сторонам. Он понимает, что папа шутит, но «помещик» слово нехорошее – как бы кто не услышал.

– Вот именно, трудиться, – отвечает он и, закурив «Казбек», продолжает тереть обломком шершавого кирпича бок корове. Бурёнка даже

глаза прикрывает от удовольствия. – Помещики разве трудились? Эксплуататоры, на чужом горбу ехали!.. Хорошо, что Ленин со Сталиным их скинули, очень правильно сделали!..

Папа снисходительно усмехается и поддакивает. Ему, майору, замполиту полка, толкуют политграмоту. Или это дядя Гриша на всякий случай?..

– Я насчёт помещика пошутил, – успокаивает его папа.

– Сейчас и пошутить, конечно, можно. Берю, слава богу, самого посадили. – Дядя Гриша серьёзен. – Но кругом империалисты. Радио слушали? НАТО с каждым годом расширяется, уже Турция там. А ведь НАТО передовой отряд империализма. Верно?

– Абсолютно.

– Вот и я говорю. Так вы за торфом? Берите, сколько надо. – Дядя Гриша, припадая на протез, поворачивается к маме. – Я так понимаю, мадам. Жёны офицеров должны сами выращивать овощи, фрукты и на базар нести. А вы наоборот, с базара носите! Разве это дело?

Мне смешно, что маму называют «мадам». (Папа потом это слово переделает в «мадамчик» и время от времени будет так называть маму.) Смешно представить её и торгующей у фабрики имени Ленина. Там торгуют в ос-

новном азербайджанцы. Мама на слова дяди Гриши смеётся и пожимает плечами:

– Овощи и фрукты не понесём, а вот куриные яйца – да. Если лишние будут.

– Что сомнительно, – усмехается папа. – Самим бы хватило. – И кивает на маму и нас с Виталькой. – Вон какая капелла, только подавай. Особенно свежие, прямо из-под куриц.

– Делим шкуру неубитого медведя, – опять смеётся мама. – Цыплят по осени считают, а наши ещё даже не вылупились.

– Свое хозяйство решили завести? Это правильно! – одобряет дядя Гриша.

Но мы его уже не слушаем. Папа ведёт нас к изрытому склону, где берут торф. В руках у него лопата, у мамы – пустые вёдра, у нас с Виталькой по детскому ведёрку.

Следя, чтобы мы не подходили слишком близко, папа принимается срезать со склона пласты торфа. Те с шорохом сползают к ногам. Мелко подробив, папа насыпает торф в вёдра.

«Неужели турки такие же уроды, как американцы?» – думаю я над словами дяди Гриши о неведомом мне НАТО. Во второй половине нашего дома живут Мелеценки, они разрешают мне смотреть журналы «Крокодил», которых у них полный ящик. И я считаю, что настоя-

щие американцы и другие капиталисты такие же уроды, как в «Крокодиле». Только в классе третьем я узнаю, что эти рисунки называются карикатурами. Рисует их художник с необычной фамилией, которую трудно выговорить – Кукрыниксы.

Но третий класс ещё впереди. А пока я уверен, что американцы такие на самом деле, как в «Крокодиле». И выучил наизусть стишок под одним из рисунков, очень уж он мне понравился. Кто такие Ги Молле и Спаак я не знаю. А о событии, вызвавшем этот остроумный стишок, тем более.

*Ги Молле сказал Спааку:
«Я в лакействе съел собаку».
«Заслуга невелика,
Я в лакействе съел быка»*

О холодной войне я то и дело слышу от взрослых и по радиоприёмнику. Говорят, над СССР высоко в небе летают американские шары-шпионы, они фотографируют секретные объекты. Наши с Виталькой друзья Витька и Шурка Неклюдовы хвастаются, что видели их. Вот бы сбить хоть один!.. Мы смастерили луки и стрелы, ждём только случая. Жаль, шары-шпионы нам с братом не попа-

даются. Наврали, наверно, Витька с Шуркой, что видели их.

У взрослых заботы другие. «Как ты можешь быть спокойным, война того и гляди начнётся, а турецкая граница рядом!» – слышал я, как мама упрекала папу, читавшего после обеда газету «Красная Звезда». Сама она очень переживала. «Успокойся. Понадобится, семьи офицеров эвакуируют», – спокойно отвечал папа. Он дочитывал газету, сворачивал её и декламировал:

*И в годы мирного труда,
И в час военной непогоды
Мила советскому народу
Газета «Красная Звезда».*

«У, толстокожий!» – сердилась мама. «Спокойно, мадамчик. У нас есть атомная бомба, она остудит горячие головы в НАТО, – отвечал папа. – Верно, ребята?»

А у тётки Насти Мелещенко на случай войны готов план. «Кем мы с тобой были на фронте, Клава? Медсёстрами. И сейчас медсёстрами будем!.. Только бы детей успеть в тыл отправить». На какое-то время мама успокаивалась. Или делала вид. Только став взрослым, я пойму, чего ей, пережившей войну и многое на ней повидавшей, это стоило.

В тот день за торфом мы ходили несколько раз. Сначала удобрили тутовые деревца. Осторожно, стараясь не повредить корни, папа лопатой перемешал вокруг тонких стволов песок с торфом. Из выведенного из дома крана, приспособив к нему шланг, полил все три деревца. Работая, рассказывал, какой обильный урожай тутовника ждёт нас в будущем году. Но это ещё что! Вырастут у нас и виноград, и гранат, и инжир...

Слушая папу, мы с Виталькой не сомневались, что так и будет. Раз папа говорит, значит, правда. Только мама усмехалась, не очень-то веря в рисуемое папой будущее:

– Ох, фантазёр! Ну, фантазёр!..

Папа тем не менее не сдаётся, утверждает, что его планы вполне выполнимы. Главное, поставить цель и стремиться к ней. Он уже договорился насчёт саженцев инжира, граната и винограда. Мэцонщик дед Акрам обещал привезти ослиного навоза, вместе с торфом это станет отличным удобрением.

– Всё будет в лучшем виде! – говорит папа. И для большей убедительности добавляет: – Не боги горшки обжигают. Правильно, хлопцы? – И подмигивает нам.

Мы с готовностью киваем.

Удобрив тутовник, принимаемся носить

торф для маминого огорода. Папа умеет увлечь. И уже не так обидно, что не удалось покататься на каруселях в парке Низами. И что самый сладкий кишмиш на базаре у фабрики имени Ленина достанется не нам.

ВОСПИТАНИЕ ЧЕРНЫША

Как ни старался я первым увидеть вылупившихся цыплят, раньше меня это удалось маме.

– Ребята, хотите посмотреть на цыплят? – радостно спрашивает она, выглядывая из дверей нашего дома.

Ещё бы! Мы с Виталькой бросаем ведёрки и несёмся в дом. Мама перестала носить торф раньше нас с папой – надо готовить обед. Дома попутно заглянула в кладовку с наседкой. А там уже пищали несколько цыплят.

– Страшненькие какие, – говорит Виталька.

Дальше порога в кладовку мама нас не пустила. Цыплята в самом деле не походили на тех, которых рисуют в книжках. Те пушистые, жёлтые, как одуванчики, а эти мокрые, некрасивые. Наседка недовольно заквохтала, увидев нас, и ещё больше распушила перья – прятала под ними цыплят.

– Посмотрели, и хватит. Наседку нельзя беспокоить. – Подталкивая нас, мама закрыла дверь в кладовку. Сама осталась внутри.

– А ты почему? – занял брат.

– Тебя не спросила, – говорит за дверью мама. – Проверить хочу, все ли цыплята проклюнулись. У некоторых сил не хватает, таким помочь надо.

Папа новость воспринял озадаченно:

– Интересно, как Черныш уживётся с цыплятами? Он же хышник. – Папа говорит «хышник», это он специально, чтобы страшнее было. А сам улыбается.

Мне смешно – какой из нашего котёнка хищник?!. Черныш даже котлету есть не стал, которой я его вчера, украдкой от мамы, пытался угостить. Он только молоко из блюдца лакает.

– Пап, ты не знаешь, как наседки защищают цыплят!.. Наседка Черныша к-а-к клюнет!..

– Почему так думаешь?

– Мне ребята из нашего класса рассказывали. Они в рабочем посёлке живут, видели.

– До кровопролития, надеюсь, дело не дойдёт, – отшучивается папа. – Ну, что, ещё пару раз за торфом сходим? Угодим маме?

Все наши с братом мысли сейчас о цыпля-

тах, но папа прав. Скоро копать мамин огород, она говорит, торф как раз будет нужен. И чем больше, тем лучше.

– Кашу маслом не испортишь, – щеголяю я недавно услышанной поговоркой.

– Молодца! – одобряет папа то ли меня, то ли народную мудрость. – Пошли.

В это время появляется из кладовки мама.

– А я знаю, как сделать, чтобы Черныш не трогал цыплят, – говорит она, и что-то заговорщицкое слышится в её голосе. – Не только сейчас, а вообще.

– Ну-ка, ну-ка, – задерживается в дверях папа.

– Я Чернышу прививку сделаю против цыплят. Женя, быстро неси мою шкатулку с иглами и нитками!..

– Мам, наш Черныш не кровожадный, – пытаюсь защитить котёнка я. Не нравится мне, что мама заговорила о шкатулке с иглами. Зачем ей иголки?..

– А ты, Виталя, найди Черныша. Он, наверно, на вашей постели дрыхнет. Неси его сюда.

Когда я появляюсь со шкатулкой, мама осторожно, чтобы не повредить, держит в кулаке цыплёнка. Наседка волнуется, она не знает, то ли ей клюнуть маму, то ли оставаться в гнезде, прикрывать остальных цыплят.

– Виталя, давай сюда котёнка. Женя, достань из шкатулки иголку.

– Какую?

– Большую, цыганскую. Её удобно держать. Свободной рукой мама берёт у меня иголку, а цыплёнка подносит к Чернышу, к самому его носу.

– Женя, возьми у Виталя Черныша и крепко держи. Осторожно, он может поцарапать!..

Черныш впервые видит цыплёнка, ему интересно, и он тянет к нему свою мордочку.

– Женька, держи!

Мама колет иголкой котёнка в нос, тот отдёргивает голову, потом опять тянется к цыплёнку. Мама ещё раз колет его в нос. И ещё раз. Черныш крутит головой, пытается вырваться у меня из рук, царапается, но я держу крепко.

– Ну, хватит, – недовольно замечает папа. – Пытка какая-то. Где ты этому научилась?

– В Михайловске у нас всегда так делают. Кошки потом боятся даже подходить к цыплятам.

Папа хмыкает:

– Ну-ну... Ладно, пошли, хлопцы. – И чтобы сгладить впечатление от маминого воспитания Черныша, шутит: – Как верно заметил товарищ Коммерсант, чем торфа больше, тем урожай лучше.

– Я так не говорил, – пытаюсь возражать я.

– Это детали. Вперед!..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДЕВЧАТНИКА ЛЯЛИКОВА

В нашем военном городке улицы называются необычно – кольцевыми. Почему, я не знаю. Взрослые, кажется, тоже. Или просто не говорят – может, это военная тайна. Мне даже нравится так думать.

Наш дом номер шесть стоит на Третьей кольцевой. А дом Генки Ляликова на Первой кольцевой, почти рядом с торфяной горой дяди Гриши. Генка Ляликов мне не нравится. Длинный, хотя тоже учится только во втором классе, и лицо у него какое-то белое, девчачье. Он и дружит почти с одними девчонками, знает их секреты. Например, о каких-то платочках, которые должна иметь каждая воспитанная девочка. Не носовой платок, а какой-то другой, особый, для чего-то другого.

Но не это главное. Ляликова любит Лиля Останина, а Лилю Останину любил я. И хотя это было ещё до школы, отношусь к Генке я от этого не лучше. Лиля Останина была похожа на девочку Лилю из «Детства Никиты», она очень красивая, не зря Никите нрави-

лась. Сейчас мне нравится Света Чеснокова из нашего 2»В», я сижу с ней за одной партой. А тогда Лиля Останина. И я написал ей записку. Но передать постеснялся, а бросил за сундук на нашей веранде. Записка каким-то волшебным образом должна была дойти до Лили. Ведь дошло же письмо Лили из книжки, хотя она жила в городе, а Никита в деревне.

Но мою записку нашла мама, убираясь на веранде. Показала папе, и они долго потом подтрунивали надо мной. Особенно над фразой печатными буквами: «Я тебя лублу а ты миня не лубиш» – другими буквами я писать ещё не умел и в грамматике с пунктуацией не разбирался. Когда родители подтрунивали, мне становилось стыдно, я готов был провалиться сквозь землю.

Я знал, что в воскресенье у Генки Ляликова будет день рождения. Меня он не пригласил, но я решил всё равно прийти. Своим появлением собирался отомстить Ляликову за то, что Лиля его любит, а меня не любила. И за то, что он не пригласил меня на день рождения. Вот возьму и съем весь торт. И подарка не принесу. Чтобы знал.

Когда первый раз я постучал в дверь дома Ляликовых, мне открыли быстро. Это была

не Генкина мама, а какая-то взрослая родственница. Она была в нарядное платье, от неё пахло духами.

– Чего тебе, мальчик?

– Мне Гену.

Из-за плеча родственницы выглянула мама Генки с красивой причёской и покрашенными губами.

– Гены дома нет, – быстро сказала она, уходя. – Он уехал к бабушке.

К какой ещё бабушке?! Почти у всех нас бабушки живут далеко, на родине наших мам и пап.

Через открытую дверь слышались весёлые девчачьи голоса. Мне показалось, что голоса Витьки и Шурки Неклюдовых тоже. Меня нахально обманывали. Я не уходил. Мне очень хотелось туда, где весело, где пьют лимонад «Буратино» и едят бисквитный торт с цукатами и розами из крема.

– Я хочу поздравить Гену с днём рождения.

Родственница, недоумевая, подняла плечи и развела руками.

– Как же ты поздравитишь, если Гена уехал?.. Приходи завтра. – С этими словами она закрыла дверь.

Я стал обходить Генкин дом вокруг и остановился у открытого окна. Оно было высоко, что за ним происходило, я не видел. Но голо-

са и смех слышны были хорошо. Я вернулся опять к двери и принялся стучать.

– Это опять ты, мальчик? – спросила открывшая мне взрослая родственница. – Тебе же русским языком сказали, Гена у бабушки. Иди домой.

Мне было стыдно, но и дать себя обмануть, как маленького, не хотелось. Я ещё несколько раз стучал в дверь. В конце концов мне перестали открывать и пригрозили вызвать патруль комендантского взвода – милиции в нашем военном городке не было. Или пойти пожаловаться маме.

Обидней всего было предательство Неклюдовых. Мне не показалось, их в самом деле этот девчатник Ляликов пригласил на день рождения. Когда я уходил от его дома, Витька и Шурка высунулись из окна комнаты, в которой отмечался день рождения, и засвистели мне вслед. Я показал им кулак. Ещё друзья называются!

Раньше я свистеть не умел. Но сейчас засунул два пальца в рот, прижал язык, дунул изо всей силы – и у меня получилось! Наверно, от обиды и злости. На Ляликова, на его маму и расфуфыренную родственницу, на Лилию Останину, на предателей Витьку и Шурку Неклюдовых...

Потом с Неклюдовыми я помирился. Всё-

таки они не забыли про меня, стащили со стола несколько конфет «Кара-Кум». Это, конечно, не бисквитный торт с кремом и цукатами, но всё равно вкусно. Доказали, что настоящие друзья!

ИСТОРИЯ БАРБАРОССА

Щенка мы хотели назвать Рексом, Джульбарсом или ещё каким-нибудь подходящим для пограничной собаки именем. Но папа, взглянув на щенка, сказал:

– Барбаросс. – И, кивнув на коричневые пятна щенка, добавил: – Рыжебородый.

Против Барбаросса мы с Виталькой тоже были не против. Хотя никакой рыжей бороды у щенка не было. Рекс или Джульбарс, как в кино, было бы лучше. Главное, что мама не рассердилась и не велела немедленно отнести белого с коричневыми пятнами щенка обратно.

– Ребята молодцы. Собака возле дома нужна. Барбаросс – звучит! – сказал папа. – Воры одного имени бояться будут. Сторож! Защитник!

Но мы не хотели, чтобы наш щенок стал сторожем.

– Пусть лучше будет пограничной собакой,

пап. Мы воспитаем его и передадим на какую-нибудь заставу.

Папа прищурился:

– Насчёт заставы я крепко сомневаюсь. Туда дворян не берут. Там овчарки нужны.

Я во все глаза смотрел на папу. Наш щенок – дворянин?! Из «Детства Никиты» я знал, что дворянами называли богатых и знатных людей. Мама рассмеялась, потом сказала:

– Ладно, не морочь детям голову. Это папа так дворняжек называет.

А началось всё с того, что однажды, когда я делал уроки, с улицы раздалось:

– Женька, выходи! Чего скажу!..

Мне и в окно посмотреть не надо было – Витька Неклюдов, его голос.

– Новость – мировецкая! – А это голос его младшего брата, круглолицего и конопатого Шурки.

– Мам, я сейчас, – бросил я, проходя мимо двери кладовки. Там мама кормила мелко нарезанным варёным яйцом клушино потомство.

– И как Неклюдовы только успевают уроки делать? Если бы не школа, целыми днями по городку носились бы!.. – недовольно заметила мама. – Женя, травы нарви, цыплятам витамины нужны. Куртку надень, ветер с моря.

Я на минуту задерживаюсь у кладовой. Цы-

плята пушистые, жёлтые, как одуванчики – такие, какими их в книжках рисуют. Не то, что раньше.

– Женька, выходи!..

– Чего? – сказал я, выйдя на крыльцо. И не выдержал, похвастал:

– У нас цыплята вывелись. Вот такие! – И показал большой палец.

– Хе, цыплята! – засмеялся конопатый Шурка. – Сейчас ты такое увидишь!..

– Что увижу? – недоверчиво спросил я. Неключодовым особо верить нельзя, хотя и друзья.

– Щенят! – бросает Витька. У него конопушек меньше, чем у брата, но тоже есть. И он не такой круглолицый, как Шурка. – Настоящие щенята!.. Пошли!

Я мгновенно забываю об уроках, о мамином наказе нарвать травы для цыплят – всё заслоняют слова о щенятах. Мне давно хотелось щенка. Наш котёнок Черныш годится только мышей ловить, и то, когда вырастет.

– Мы собачью нору нашли, – шёпотом сообщают, перебивая друг друга, Неключодовы. – Там щенков видимо-невидимо! Сейчас сам увидишь. Пошли скорей!..

Оказалось, нора была вырыта в заброшенном песчаном карьере, мы его называем Песочной ямой. Карьер остался от военных стро-

ителей, построивших наш посёлок. Витька Неклюдов опустился на колени, засунул всю руку вглубь норы в песчаной стенке и принялся там шарить. Рядом крутилась белая в рыжих пятнах собака и повизгивала. Шурка с ещё больше проступившими от волнения веснушками толкал брата и повторял:

– Дай я! Дай я!..

– Ничего мы ему не сделаем, не бойся, – сказал Витька собакой маме, когда достал из норы щенка.

– Теперь я! – И Шурка тоже по самое плечо засунул в нору руку.

Вытащил и я себе щенка. Он был мягкий, тёплый и лизал мне пальцы. Собака жалобно смотрела на нас и шла следом до самого нашего дома.

– Этого мне ещё не хватало! – сказала мама и всплеснула руками. – Мало мне хлопот с цыплятами, так ещё кутёнок! – Она раздула щёрстку на спине у щенка. – Господи, а блох-то, блох!.. – Взглянула на собаку, не отстававшую от нас. – Женя, дай ей кусок хлеба и прогони.

– Может, пусть остаётся? – попросил я. Мне было жалко собаку, уж слишком жалобно она смотрела. – Ну, мам, ну, пожалуйста...

– Скажи спасибо, что не заставляю отнести кутёнка обратно!

С мамой не поспоришь.

Вскоре вымытый с душистым мылом щенок лакал из блюдечка Черныша молоко, а мама сливала в унитаз воду с густо всплывшими блохами. Они походили на маковые зёрнышки. Щенок уже мог есть сам, правда, маме сначала пришлось несколько раз ткнуть его мордочкой в блюдо. Потом она определила ему место в углу коридора, постелила старое махровое полотенце. Щенок улёгся на бок, выставив голый живот, розовый и тугой. И сразу же заснул, едва слышно посапывая.

– Кобелёк, – довольно заметила мама, – пусть будет. Хорошо, что не сучка.

– Почему?

Вместо ответа мама сказала:

– Учтите, ухаживать за ним будете вы. Мне и так уборки хватает... Ты чего, Виталя?

– Черныш щенку живот лижет. – Брат показал пальцем на кутёнка. Его голый розовый живот старательнолизал наш котёнок. – Женька, ты дашь мне с щенком играть?

Ответить я не успел.

– Вот те на! – засмеялась мама, глядя на щенка и котёнка. – Кошки и собаки всегда были врагами. А тут такая любовь! Кому рассказать – не поверят!..

Мы тогда не знали, чем обернётся для Чер-

ныша дружба с собакой. То, что он не боялся их. Но это тоже ещё впереди...

Так появился у нас Барбаросс. Только в старших классах я узнаю, откуда такая странная кличка. Оказывается, в средние века жил жестокий и вероломный германский король рыжебородый Барбаросса. И ещё, Гитлер называл свой план нападения на нашу страну планом Барбаросса.

«Собаке – собачье имя», – скажет папа, объясняя свой выбор клички. Но наш щенок оказался хорошим, совсем не злым, и мы про себя были с папой не согласны. Однако не возражали, слишком велик папин авторитет. Разве что между собой называли щенка просто Барбосом.

КЛАД КАПИТАНА ФЛИНТА

За нашей школой начинается высокий каменный забор. Оттого, что стоит он на краю обрыва, забор кажется ещё выше. За ним – сержантская школа. Там готовят младших командиров для части, которая находится на острове, где служит папа.

В сержантской школе есть кинозал под открытым небом и сквер, в нём растут хлебные деревья. Почему они так называются – никто

не знает. Ничего хлебного в них нет. Витька Неклюдов однажды надкусил круглый, как детский мячик, плод и долго потом отплёвывался.

А вообще-то нам нравится сержантская школа. И кино здесь можно посмотреть (если, конечно, пустят солдаты с красными повязками на рукавах), и по деревьям в сквере лазать, воображая себя Тарзаном. Можно и на траве поваляться – она под деревьями не выгорает, как в нашем военном городке. Иногда курсанты сержантской школы нас просят сходить в поселковый военторг купить белого хлеба. От чёрного, который в солдатской столовой, у некоторых болит живот. Самим курсантам выходить за пределы части нельзя, их может арестовать патруль. И посадить на гауптвахту. Мы идём, нам не трудно. На «губу» нас никто не посадит.

Сержантская школа шефствует над нашей школой. Чаще всех у нас бывает старшина Мирутенко. Обычно его приглашает товарищ Лиза, наша старшая пионервожатая. Позже я учился в разных школах, но нигде больше не слышал, чтобы старших пионервожатых называли не по имени-отчеству, а товарищем и по имени. Странно, ведь они взрослые.

Старшина Мирутенко похож на добродуш-

ного богатыря. У меня сохранилась фотография отличников и хорошистов начальных классов, на ней я тоже есть. И Света рядом со мной во втором ряду. Большой Мирутенко сидит посредине, на почётном месте. Рядом с ним товарищ Лиза, которую фотограф щёлкнул в момент, когда она поправляла свою пышную причёску. «Шестимесячная, – шепнула Света. – Хочет Мирутенко понравиться».

Похоже, старшина немного стеснялся внимания к себе. Такие же смущённые лица были у папиных земляков, когда наша семья приезжала в отпуск и они встречались с папой на улицах хутора. Папины земляки смущались офицера, у которого столько наград на кителе.

В один из последних выходных дней апреля произошло событие, которое в нашей школе долго ожидали. Игры «Зарница» тогда ещё не было, зато каждый год проходили поискиклада капитана Флинта. В субботу товарищ Лиза собрала в актовом зале пионерские отряды и объявила, что завтра пойдём искать клад.

– Есть сведения, что пираты спрятали его в окрестностях посёлка Ази Асланова, – сказала товарищ Лиза. Она была невысокая, но голос у неё громкий, слышный во всех уголках актового зала. – Каждый отряд получит по карте со значками. Это маршруты, для каждого отряда

свой. Значки – секреты, которые нужно разгадать. Если правильно разгадаете, они приведут вас к сокровищам капитана Флинта. Всё понятно?.. Председатели советов отрядов, подойдите ко мне.

«Остров сокровищ» я тогда ещё не читал, любимой моей книгой по-прежнему оставалось «Детство Никиты». Но и меня охватил азарт кладоискателя. О пиратах я знал, что это морские разбойники, которые грабили корабли. В кладе капитана Флинта наверняка полно золота и драгоценностей.

Мне и Свете Чесноковой уже исполнилось девять лет, но в пионеры нас ещё не приняли. Я подошёл к товарищ Лизе и попросил разрешения участвовать в поиске клада. Ведь скоро и мы станем пионерами.

– Ладно, – сказала товарищ Лиза, – вливайтесь в отряд третьего «Б». На самостоятельный отряд вы не тянете.

Нам со Светой было немного обидно слышать это, но не отказываться же от поиска пиратского клада! Председателем совета отряда третьего «Б» оказался Валерка Скворцов. У него были две красные нашивки на рукаве рубашки. Это Валеркин папа сделал нам замечание, когда пятого марта после уроков мы с ребятами играли в войнушку. «Вы разве не

знаете, какой сегодня день?» – строго спросил капитан в портупее с кобурой на боку.

По его голосу было понятно, что мы делаем что-то нехорошее. «Сегодня день памяти товарища Сталина. А вы бегаєте, кричите... Стыдно в такой день вести себя так!» Я вспомнил, что в школу многие девочки пришли с краснотёрными бантами в волосах. Наша учительница Амалия Аркадьевна ещё похвалила их. Сказала, что ровно два года тому назад умер товарищ Сталин, пятое марта траурный день. А мы... Пристыженные, ребята перестали носиться и кричать. Девчонки оказались умнее нас. Может, им родители сказали, какой был день?..

На карте в руках Валерки Скворцова пунктиром был отмечен маршрут, по которому должен идти отряд. Маршрут оказался коротким, заканчивался у первых домов нашего военного городка.

– Так близко? – разочаровано сказал кто-то из ребят, окружавших Валерку. – Неужели пираты такие дураки, что для своих сокровищ не нашли места подальше?!

Скворцов перебил:

– Товарищ Лиза предупредила, на карте только начало поиска. Мы должны найти подсказку, что делать дальше. – Голос у него был

решительный и чем-то напоминал голос его отца, сделавшего нам замечание.

Кто-то несмело сказал:

– Вообще-то во времена капитана Флинта военного городка Ази Асланова ещё не существовало. Может, даже Баку не было...

– Ерунда, товарищ Лиза лучше знает! – оборвал Скворцов.

– Пока вы тут болтаете, другие отряды уже ушли!.. – заявил пробившийся к председателю совета отряда Витька Неклюдов, он учился в третьем «Б» тоже. – Пошли уже! Айда!..

Первый тайник мы нашли быстро. Он оказался кирпичом на асфальтированной дорожке и сразу бросался в глаза.

– Осторожно, тайник может быть заминирован! Товарищ Лиза предупредила, – сказал Валерка Скворцов и осторожно сдвинул кирпич.

Под кирпичом оказался сложенный в несколько раз листок бумаги. Поняв, что никакой мины нет, ребята опять сгруппировались вокруг Валерки. Третьеклассники были выше нас со Светой, и мы не видели, что на листке.

– А нам подсказку покажешь? – несмело спросила Света.

– Скажите спасибо, что я вас взял в отряд!.. За мной! – скомандовал Валерка и дви-

нулся между домами, то и дело заглядывая в листок.

– Задавака какой... – тихо сказала Света. Её карие глаза от обиды потемнели ещё больше, стали почти чёрными. – Мину какую-то выдумал... Товарищ Лиза ничего такого не говорила.

БУНТ НА КОРАБЛЕ

Найти вторую подсказку оказалось труднее. Отряд долго искал её, кружа вокруг дома, номер которого был в первой подсказке. Наконец Витька Неклюдов догадался заглянуть в почтовый ящик на двери дома.

– Пацаны! Есть!..

Но отдавать подсказку председателю совета отряда Витька не захотел.

– Бунт на корабле?! – возмутился Скворцов. – А на рее болтаться не хочешь?! – Он, третьеклассник, уже читал книги про пиратов и знал про их обычаи. – Сейчас вздёрну на рею!

– Замучаешься! – не испугался Витька. – Пацаны, за мной! Мы этому Скворцову чёрную метку пришлём, самого вздёрнем. Раскомандовался!

Я вопросительно взглянул на Свету. Что за чёрная метка такая?.. Света пожала плечами.

Наш отряд раскололся. Со Скворцовым остались только несколько человек, в основном, девочки. Немного отстав, Валерка и они шли за нами. Я не думал, что пионерский отряд третьего «Б» такой недружный. Наш, когда остальных ребят второго «В» примут в пионеры, таким не будет.

Третью подсказку нашли быстро. Витька Неклюдов, заглядывая в листок из почтового ящика, остановился у большой трубы, оставленной на пустыре между домами. Наверно, строители не успели её сдать в металлолом. Труба была коричневая от ржавчины. Витька залез в неё, через минуту вылез с другого её конца и озадаченно шмыгнул своим веснушчатым носом. Потом проделал этот путь, но уже в обратную сторону, к нам.

– Ничего там нет, пацаны.

За Неклюдовым стали залезать в трубу другие ребята. Скоро все были в ржавчине. Валерка Скворцов с усмешкой наблюдал за ними.

– Ну и достанется вам дома!.. А теперь смотрите, как поступают настоящие кладоискатели. Все из трубы вылезли? Заходите с моей стороны и толкаем её. Раз, два, три!..

Труба сдвинулась с места, немного откатилась. Под ней и оказался листок с третьей подсказкой. Скворцов, бросив торжествующий

взгляд на Неклюдова, первым подхватил листок.

– Кладоискатель должен быть внимательным. Не видно разве, что труба недавно ещё лежала на другом месте? Трава там примята и бесцветная, солнца ей не хватало. Трубу перекатали на новое место и листок с подсказкой под неё подсунули. Соображать надо!..

– Кто же такой сильный? – удивился я. – Она вон какая здоровая, мы всем отрядом сейчас толкали.

– Это кто там голос подает? А, прикомандированный... – Скворцов обидно засмеялся. – Да хотя бы старшина Мирутенко! Привёл своих курсантов, для них это раз плюнуть. Ещё вопросы есть?

Всё-таки задавака этот Скворцов, права Света! Незнакомое слово «прикомандированный» меня задело.

Третья подсказка привела нас на другой конец Ази Асланова. Поблизости находилось стрельбище сержантской школы, сейчас безлюдное. Где-то здесь и должна была находиться последняя подсказка.

У стрельбища уже собрались почти все отряды. Искали везде. Песчаный холм рядом был изрыт, ребята и девчонки осматривали каждый камешек, каждую щепку – вдруг на них

какие-нибудь знаки, которые раскроют тайну? Пираты хитрые, могли сделать так, что ни за что не догадаешься... Старшие ребята решили искать подсказку на стрельбище, но старшина Мирутенко решительно поднял руку.

– Туда нельзя.

– Так стрельб сегодня нет...

– Всё равно нельзя.

Рядом со старшиной стояла товарищ Лиза.

– Ребята, – весело заговорила она, – всё проще, чем вы думаете. Только внимательно присмотреться надо. Сами потом будете смеяться, что не догадались!.. И не расстраивайтесь, это всего лишь игра. Игра, понимаете?

Четвёртую подсказку никто так и не нашёл. Может, потому, что было уже жарко и хотелось пить. А может, потому, что все устали, особенно, девчонки, Даже смуглая Света стала бледной.

Старшина Мирутенко и товарищ Лиза переглянулись.

– Ну, что, будем считать, что капитан Флинт на этот раз оказался хитрее нашей пионерской дружины?.. А вот Советскую Армию ему никогда не обхитрить! Товарищ старшина, я знаю, вам удалось найти четвёртую подсказку. Покажите ребятам!

Мирутенко поднял с земли сплюсненную папиросную гильзу. Его лицо стало похожим на лукавое лицо фокусника в цирке, который раскрывает секрет своего фокуса.

Все притихли. Каждый из нашей пионерской дружины наверняка не раз проходил мимо этой папиросной гильзы и, возможно, даже наступал на неё или отбрасывал сандалией. И не догадывался, что это и есть четвёртая подсказка!..

Большими сильными пальцами старшина легко выровнял сплюсненную гильзу, потом осторожно развернул. В папиросной гильзе оказалась записка на тонкой бумаге. Не читая её, Мирутенко объявил:

– Здесь указаны координаты острова в Каспийском море. На этом острове пираты и спрятали свой клад.

Дружина молчала. Все, конечно, и без товарищ Лизы знали, что поиски клада капитана Флинта – только игра. Но всё равно было досадно. Вот бы увидеть настоящий клад, кучи золотых монет, бриллиантов и других драгоценностей – а вдруг они есть на самом деле?..

– Капитан Флинт плавал в тропических морях, – тихо сказал Скворцов. – В Каспийском море он никогда не был. Значит, и клада никакого быть не может.

– Ладно, всезнайка! – зло прошептал Витька Неклюдов. Ему тоже было обидно. – Много о себе воображаешь!.. Женька, пошли, покажу тебе настоящий клад. Мороженого в Электротокке купим!

Я был не против. Но идти с Неклюдовым сейчас значило оставить Свету, а это было бы предательство. Может, у неё солнечный удар. Или тепловой. Вон какая бледная. Свету надо было отвести домой. Как-никак сидим с ней за одной партой. И вообще она мне нравится.

– Не могу.

– Девчатник!..

Отвечать я не стал. Взял Свету за руку, и мы пошли к её дому. Я решил, что быстро идти человеку с больным сердцем нельзя, и потому мы шли медленно. На нас не обратили внимания. По домам расходились и остальные ребята. Особенно расстроенным никто не выглядел. Игра есть игра. Хотя, конечно, досадно.

УСАДЬБА «ЗЕЛЁНАЯ»

– Антон, пойдика сюда, – позвала мама с веранды. Было в её голосе что-то такое, что заставило и меня направиться вслед за папой. Обычно она называет папу Антошей. –

Видишь это? Ещё несколько дней – и рассада погибнет.

В марте мама собрала все ненужные банки, наполнила их торфом и посадила семена помидоров. Веранда – самое солнечное место в нашей квартире. Рассада росла быстро и сейчас на некоторых уже завязались бутоны. Когда мама помидоры поливает, их запах наполняет всю квартиру.

– Ты думаешь забор ставить или нет? Не будет забора, собаки всю рассаду вытопчут. – Голос у мамы был недовольный. – Или ты только обещать умеешь? Столбы для забора скоро гнить начнут. И торф с навозом сохнут. Высохнут – толку от них будет мало.

Папа поднял брови. Немного помолчал, потом сказал, серьёзно глядя на маму:

– Ты что, не знаешь, какая обстановка в гарнизоне?.. Может, и сажать ничего не стоит. Урожая мы вряд ли дождемся. Другим достанется.

– Тебе-то чего беспокоиться? – не сдавалась мама. – Тебя в сержантскую школу с повышением перевели. Это пусть другие беспокоятся, что демобилизуют из армии.

– Ну, это не нам с тобой решать.

– Думала, перевели с острова, будет помощь, – сердито продолжала мама. – Так нет,

одни обещания!.. Стыдно сказать, с сыном дрова пилить приходится, потому что у папы времени нет. И уголь дробить тоже...

Действительно, это мы с мамой сколотили козлы и пилили на них для нашей красивой немецкой печки с эмалированной духовкой дрова. А дробить молотком крупные куски угля была моя обязанность – мелкий уголь лучше горит. Дробить мне нравилось. Надо было только беречь глаза, твёрдые кусочки угля разлетались во все стороны...

Не люблю, когда родители ссорятся. Правда, бывает это редко, но всё равно неприятно. Я тихо вышел из веранды.

В последнее время в нашем городке чувствовалось какое-то беспокойство, даже тревога. По жёнам офицеров это было особенно заметно. Когда меня посылали в военторг за хлебом, я там видел мам своих одноклассников. Некоторые ничего не покупали, а собирались кружками и говорили об одном – сокращении армии. Его называли почему-то хрущёвским.

Женщины невесело шутили о каком-то бывшем офицере по фамилии Чиж, который стал знатным свинарём. Из офицеров – в свинари!.. Тетя Настя Мелещенко, когда заходила к маме, жаловалась, что из-за переживаний

похудела, На ней уже юбка не держится. Её мужа, как и многих офицеров полка, призвали в армию во время войны. Гражданской профессии у него не было, а кому в мирное время нужны артиллеристы? Тоже в свинари идти?..

На следующее утро я проснулся от громких голосов возле нашего дома. Оказывается, это солдаты ставили забор. Через пять минут я уже был среди них. Собирал камни, куски битых кирпичей и бросал в ямы со столбами, чтобы те крепче стояли. Подавал гвозди, когда дошла очередь прибивать к столбам рейки, приносил из дома воду, если солдаты просили пить...

– Ну, что, засоня, проснулся? – поддел я Витальку, когда он позвал меня завтракать. О завтраке я совсем забыл. Мне было интересно всё, что происходило сейчас возле нашего дома.

– Иди-иди, мама зовёт, – сказал папа.

Я с удивлением смотрел на него. Только вчера он сомневался, что стоит заводить огород. Мама уговорила?.. Казалось, папа был сразу во всех концах будущего участка. Выравнивал по туго натянутому шпагату столбы, помогал трамбовать землю вокруг них, шутил с солдатами, разбрасывал внутри быстро растущей ограды торф, который мы принесли с горы

дяди Гриши. Разбрасывал по участку и пахучий навоз ослика деда Акрама. Дед Акрам сдержал слово, привёз навоз на высокой арбе с двумя большими колёсами. Рядом с арбой ослик казался ещё меньше, чем когда дед Акрам привозил на нём мацони.

Курсанты с уважительным удивлением поглядывали на папу. За таким занятием своего замполита они видели впервые. Уважение к папе переходило и на нас с Виталькой. Курсанты даже разговаривали с нами, как со взрослыми.

– Угости ребят. – После завтрака мама протянула мне авоську с яблоками. – Фруктами их в столовой не балуют, а витамины весной ещё как организму нужны!.. Уж я-то знаю, во время войны старшей медсестрой была. Лекарства лекарствами, а витамины порой только и спасали раненых.

На обед курсантов увели строем в гарнизон, а когда я спросил у папы, почему они не пришли обратно, папа сказал:

– Хорошего понемногу. У армии другие задачи. Теперь наша очередь показать удаль молодецкую! – И заговорщицки подмигнул.

Удаль молодецкую мы показывали до конца дня. Даже Виталька помогал. Следующим утром папа ушёл на службу. Уходя, сказал:

– Объявляю конкурс на лучшее название нашей усадьбы. Ведь теперь у нас настоящая усадьба, я правильно понимаю, мадамчик?.. В конкурсе могут принять участие все желающие.

Два дня мы прибивали к рейкам между столбами штакетины. Конечно, прибивали мы с мамой, а штакетины подносил Виталька. Их, как и столбы, папа привёз заранее. Такой весёлой, как в эти дни, я видел маму не часто. Ещё бы, исполнялось её желание! Вечером после службы к нам присоединился папа. Забор получился хороший, ровный, особенно, когда папа его кое-где подправил.

– Ну что, господа хорошие, как мы назовём нашу усадьбу? – спросил папа за ужином и поднял рюмку. В честь окончания строительства забора мама купила в военторге бутылку вина «Три Семерки», а нам с Виталькой по шоколадке. – Какие будут предложения? Активнее, господа-товарищи, активнее! И вас, Клавдия Ивановна, прошу внести своё предложение. Забор должен радовать вас особенно!

– Радовать меня он будет тогда, когда вскопаем грядки и высадим рассаду, – ответила мама.

– Не вижу никакого противоречия между

одним и другим, – сказал папа. – Всему своё время. Итак?

– Усадьба имени котёнка Черныша, – подал голос Виталька.

– Романтично, конечно, но как-то однобоко. Почему не имени Барбаросса? Как раз на нём будет лежать основная ответственность за сохранность урожая. Какие будут ещё предложения? – Папа обвёл всех взглядом. – Почему отмалчивается наш Коммерсант? У тебя, Евгений, идеи должны бить ключом! Ты должен оправдывать своё второе имя. Быстрее соображай, у меня рука устала держать рюмку.

– Зелёная Усадьба, – сказал я и замер в ожидании папиного решения.

– Три скромных тутовника ещё не дают основания так называть всю усадьбу.

Тут мне на помощь пришла мама:

– Кое-кто обещал посадить виноград, гранат, инжир, персик... Вот усадьба и станет зелёной. Разве нет?

– Хм, в этом что-то есть. Критика принимается, – согласился папа. – Кто за то, чтобы нашу усадьбу назвать Зелёной?

Я быстро поднял руку. «За» проголосовали и мама, и Виталька, и даже папа. Получилось «единогласно»!

О том, что наш урожай, возможно, придётся собирать не нам, папа на этот раз не сказал ни слова.

НАРОДНЫЙ СПОСОБ

Мама сделала грядки, но высаживать рассаду почему-то не спешила. Хотя совсем недавно торопила папу с забором. Папа свои обещания выполнил. И забор поставил, и купил где-то саженцы айвы, граната и персика. И даже успел посадить их. Теперь ездить на остров ему не надо было, времени на огородные дела хватало. Все воскресенья у папы уходили на них. Если, конечно, его не назначали дежурным по сержантской школе или в офицерский патруль по Баку. О парке Низами, базаре у фабрики имени Ленина, кино на Электротоке нам на время пришлось забыть.

Мама была озабочена другим. Она часто подходила к грядкам, клала на рыхлую землю ладони и словно к чему-то прислушивалась. Потом запускала в землю пальцы и опять будто что-то слушала. Качала головой – рано.

– Что – рано? – не понимал я.

То торопила папу не только с забором, но и с огородом, а теперь, когда всё готово, говорит «рано». Мама недовольно отмахивалась от

меня. Зачем-то позвала тётю Настю Мелещенко и повела к грядкам.

– Высадишь в холодную землю, корешки у рассады гнить начнут. Или ветром рассаду вырвет. Здесь вон как дует, – озадачено делалась с соседкой мама. – И тянуть дольше нельзя, рассада желтеет, погибнуть может. Не знаю, что и делать... Ты, Настя, ведь до войны в Сибири жила? Тоже не лучшие места для помидоров. Они у вас росли?

– Растить-то росли. Но в основном в теплицах, на метровом слое навоза. Он горит, дает тепло, оно и греет корни.

Я не успел удивиться: как это навоз может гореть? Его поджигают, что ли?.. А мама задала тёте Насте новый вопрос:

– А вот так, как у меня, в открытом грунте, что-то родило?

– Ты, Клава, не равняй Сибирь и здешний климат. Здесь тепло, до поздней осени помидоры будут, главное – воды не жалеть. А у нас в открытом грунте помидоры снимали зелёными, а то помёрзнут. Они на подоконниках в избах доходили. Или их прямо зелёными в бочках солили... А у вас на Урале разве не так? Климат-то не очень от сибирского отличается.

– Отличается, Настя, ещё как отличается! –

защищала свой Михайловск мама. И вдруг засмеялась: – У наших хозяек примета была. Точно знали, когда можно начинать огороды засаживать. Находили старичка, подносили стакан водки, чтобы не простудился... Женя, ты опять уши развесил? Разговоры взрослых подслушиваешь?! Ну-ка, давай отсюда! Ты уроки сделал?.. Имей в виду, проверю!

Вот так всегда. Взрослые думают, что мы ещё маленькие, ничего не знаем и ни о чём не догадываемся. Не сейчас, а вообще. Почему, например, скрипит диван в родительской спальне по ночам... Не в капусте детей находят, и не аист приносит. В эти сказки разве что Виталька верит.

– Ты ещё здесь? Я кому сказала?!

Мне ничего не оставалось, как уйти. Шёл в дом я не спеша, но всё равно ничего не услышал. Разве что смех тёти Насти, когда мама стала что-то в полголоса рассказывать. Потом и мама засмеялась.

Уроки в тот раз я делал особенно старательно. Даже несколько лишних примеров по арифметике решил, которых наша Амалия Аркадьевна не задавала. О чём и сказал маме, когда она вернулась от своих не засаженных грядок.

– Подлизываешься, – усмехнулась мама,

принимаясь готовить ужин. Скоро должен был прийти со службы папа. – И что это тебя так интересуют разговоры взрослых? Нехорошо подслушивать, разве не понимаешь?

– Зато что-то новое узнаёшь, – сказал я. – Кругозор расширяется.

– Вы только посмотрите на него! Какой любознательный! Ты лучше бы книжки читал, вот где много нового можно узнать. А то привык, что я вам «Детство Никиты» читаю, самому лень. Ладно Виталька, он ещё в школу не ходит, а ты скоро в третий класс перейдешь. Стыд и срам!

Ни стыда, ни срама я не чувствовал. Мне очень хотелось узнать, что мама рассказывала соседке – тётя Настя так весело смеялась. Да и мама не удержалась.

– Ну, мам...

– Это не для детей.

– Я не маленький, мне в этом году исполнится десять лет... Хочешь, я за углём схожу? В тазике заканчивается.

В тазике, с которым я ходил в сарай за углём, его оставалось и в самом деле на доньшке. А маме ещё нужно было приготовить ужин, дрова в печке почти прогорели.

– Подхалим! Пристал как банный лист!.. Ладно, слушай. У нас в Михайловске перед

тем, как сажать картошку, советовались с пожилыми людьми. Скажем так, с дедушками. Кого-нибудь из них просили выйти в огород и сесть на землю. Он садился, а потом говорил, пора сажать картошку или ещё рано. Вот и всё.

Я был озадачен. Ничего смешного в этом не было. Почему же тогда смеялись тётя Настя и мама? И водку почему дедушке надо было пить? Разве оттого, что минуту посидишь на земле, можно простудиться?..

– Не веришь? Ладно, принеси угля, я расскажу.

Наверно, в тот раз я побил собственный рекорд скорости. В сарае я даже не стал разбивать большие куски на мелкие, чтобы уголь лучше горел. И минут через десять опять был на кухне.

– Ты уже? – удивилась мама. – Тогда забрось в печку несколько совков угля. Вымой с мылом руки, лицо, и я расскажу.

– Ну? – сказал я, вернувшись из умывальника.

– Не нукай, не запряг. Так вот, я не сказала тебе, что садиться на землю дедушкам нужно было голой попой. Если сесть в штанах, точно узнать невозможно, пора сажать картошку или ещё нет. Вот так. Чего молчишь?

Я пожал плечами. Так и осталось непонятным, почему они с тётёй Настей так смеялись...

ДОЛГИЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Считается, что дети влюбляться не могут. Это неправда. Я так вообще влюбчивый, как говорит мама. Мне всегда нравилась какая-нибудь девочка. Будь то пионерский лагерь в курортном пригороде Баку Мардакянах, вагон поезда, когда мы ездили во время папиного отпуска на его или мамину родину. И даже в больнице, когда мне вырезали аппендицит.

О Лиле Останиной я уже рассказывал. А в Свету Чеснокову я влюбился в первом классе, влюбился по-настоящему. У неё было больное сердце, поэтому она ниже остальных девочек в классе и худенькая. Наша Амалия Аркадьевна посадила её за первую парту – так Свете никто не загораживал доску. После уроков я провожаю Свету до дома и несую её портфель. За это мальчишки из рабочего посёлка несколько раз разбивали мне нос.

Мы со Светой старше других ребят в классе. Светиной маме врачи посоветовали отдать её в школу на год позже. А перед моей мамой

был пример Витьки и Шурки Неклюдовых. Мы с Витькой оба родились в октябре, Витьку отдали в школу, когда ему ещё не исполнилось семи лет. С Шуркой такая же история.

«Вон Неклюдова отдала своих раньше, – говорила соседкам мама. – И что? Едва на тройки тянут, год в таком возрасте много значит. Неклюдова своих загнать домой делать уроки не может. Только и слышно: Витька, Шурка, домой, балбесы!»

Мы со Светой стали пионерами раньше одноклассников. Произошло это девятнадцатого мая, в День рождения пионерской организации. И Свете, и мне к тому времени было уже девять с половиной лет. На полгода больше, чем надо, чтобы стать пионерами.

В актовом зале школы нас со Светой пристроили к шеренге третьеклассников. Ещё не все они были пионерами. И вообще, чтобы стать пионером надо хорошо учиться и чтобы дисциплина не хромала.

Я волновался так, что у меня пересохло во рту. Но это не помешало вместе со всеми произнести торжественное обещание пионера Советского Союза: «Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться,

как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...»

Нам повязали галстуки пионеры из старших классов. Сказать, что Света и я были счастливы и горды – ничего не сказать! Вместе с другими ребятами мы хором декламировали:

*Как повяжешь галстук,
береги его.
Он ведь с красным знаменем
цвета одного...*

Кто написал это стихотворение, я не знал. Да и кто в девять лет запоминает авторов?! Только став взрослым, я заглянул в интернет. Оказывается, Степан Щипачев. Был такой поэт, очень известный в своё время.

Весь день девятнадцатого мая стал для меня праздником. Я его до сих пор помню. Красный шёлковый галстук на груди, переполнявшая меня гордость, что я пионер, торжественное обещание стать примером для других...

А вечером произошло ещё одно очень важное для меня событие.

Я и в тот раз провожал Свету домой. Всю дорогу от школы мы только и говорили, как нас принимали в пионеры. Не успела Света

закрывать за собой дверь, как опять выскочила на крыльцо.

– Женька, тебя моя мама зовёт!.. Ты торт любишь?

– Ещё бы, – сказал я, хотя понимал, что пионеру полагается быть скромным.

– Тогда пошли! – Света толкнула дверь в дом.

Через несколько минут я уже сидел за столом рядом со Светой, а её мама наливала нам чай. Посреди стола стоял бисквитный торт с завитушками из белого и розового крема. Света была похожа на свою маму, тоже смуглую и красивую. На маму похож и Эдька, Светин брат, он ходит в первый класс. Такой же смуглый и черноглазый. Исподтишка поглядывая на маму, он тянул руку к торту.

– Эдуард, у тебя терпение есть? Подождать пять минут не можешь?.. Ну что, молодые люди, вас можно поздравить?

– Можно, – сказала Света и засмеялась, взглянув на меня.

Я, как полагается пионеру, скромно молчал. А когда стали пить чай, больше всего боялся капнуть на свой новенький шёлковый галстук.

– А что это твой рыцарь такой молчаливый? – Светина мама присела к столу и налила себе чай тоже. – Он всегда такой?

Света стала меня защищать:

– Он переволновался! Женька смелый, помнишь, я рассказывала тебе, как он защищал меня от мальчишек из рабочего посёлка. Они ему нос разбили, а он всё равно меня не перестал провожать. И портфель мой не даёт никому нести!..

– О, это вызывает уважение. Настоящий джентльмен! Рыцарь!.. – похоже, Светина мама подтрунивала надо мной. С какой стати? Мне стало неприятно. От второго куска торта я отказался. И поблагодарив (пионер должен быть вежливым), сказал, что меня ждут дома.

– Понимаю, понимаю. Ты хочешь похвастаться галстуком? – Карие глаза Светиной мамы смеялись.

– Хочу! – забыв о Торжественном обещании пионера быть примером во всём, не слишком вежливо ответил я. – До свидания. Спасибо за торт.

– Ещё хотя бы кусочек съешьте!

Света подхватила:

– Да, Женька, не скромничай, в самом деле!

– Пусть идёт, нам больше достанется, – сказал с набитым ртом Эдька. У него не только губы, но и нос был в креме.

Света догнала меня на крыльце.

– Ты не обижайся. Мама пошутила насчёт

галстука. А Эдька просто дурак, не обращай внимания!.. Вечером гулять выйдешь?

– Наверно.

– Заходи за мной. Я хочу тебе что-то сказать. Важное.

Дома меня тоже поздравили, а Виталька стал клянчить поносить галстук. Я не дал. Ещё чего!.. Галстук я не снимал весь день, даже уроки в нём делал. А вечером пошёл в нём к Светиному дому.

В тот вечер ребята допоздна играли в «наших» и «немцев», а девчонки в классики. А когда все разошлись по домам, Света написала мелом на асфальте: «Ты кого любишь?» Спросить меня вслух она, наверно, стеснялась. «Не скажу», – тем же кусочком мела ответил я, тоже стесняясь.

Были уже сумерки, но белые буквы на асфальте ещё можно было различить. «А я люблю тебя», – написала Света. «А я тебя», – ответил я. Света перечеркнула мои слова: «Нет, Тайку Гринько. У неё папа командир полка» – «Командир полка, нос до потолка!.. – съехидничал я. Нужна мне эта Тайка!.. – Я тебя люблю. Ты самая красивая». – «Неправда». – «Нет, правда!» – «Нет, неправда!..»

Взрослые после объяснения в любви начинают целоваться, я в кино не раз видел. А что

делать нам, мы не знали. Нам и так было хорошо. Счастливый день и закончился счастливо.

– Св-е-та, – послышалось от Светиноного дома. – Поздно, доча, домой!..

Света махнула мне рукой и убежала.

УРА! КАНИКУЛЫ!..

Май – самый хороший месяц. Сначала Майские праздники, потом День Победы. К тому же в мае меня приняли в пионеры. А лучше всего то, что в конце этого последнего весеннего месяца начинаются каникулы. Целых три месяца не нужно ходить в школу! Делай что хочешь!

Хочешь – учи подросткового Барбоса выполнять команды «лежать», «голос», «фас». Некоторые он уже выполняет. А хочешь – гоняй на самокате с жужжащими подшипниками по асфальтированным дорожкам военного городка. Надоест – пинай до темна мяч или иди к железной дороге рыбачить. Да мало ли чем можно заняться летом!..

Плохо одно, перед каникулами нам делали прививку. Уколов боялись все. Девочки – ладно, но боялись даже ребята. Например, Малик Мамедов, который занимался в секции бокса. Или самый сильный в нашем классе, мой друг

Толик Истрашкин из рабочего посёлка. В медицинский кабинет нас вызывали с уроков по три человека.

Наша Амалия Аркадьевна говорила, что в жарком климате прививка необходима, а то можем заболеть малярией. Но видно было, она недовольна, что ей мешают вести уроки. От этого у неё больше обычного наклонялась к плечу голова. Девчонки шептались, это у Амалии Аркадьевны от малярии – в детстве переболела, тогда ещё прививок не делали. Наверно поэтому у неё не было мужа, она жила со старенькой мамой. Но это ладно. Некоторые ребята так боялись уколов, что даже плакали. Хотя толстая медсестра в белом халате протирала влажной ваткой руку и ласково говорила, что укол не больнее укуса комара.

Ещё одним испытанием перед каникулами была страшилка, которую мы себе придумали. Я, Света и наша одноклассница Люся Чистякова, с которой нам было по пути из школы, пугали друг друга, что нас оставят на второй год. Хотя этого никак не могло случиться. Света была отличницей, а я и Люся Чистякова учились без троек. Мы, как говорят старенькие бабушки, хотели себя сглазить. Только наоборот.

Отвлекали нас от страшилок пацаны из ра-

бочего посёлка. Их узнаёшь сразу, одеты они не так хорошо, как мы, дети офицеров. И вели себя по-другому, были драчуны и шkodники. Любили подкрасться сзади, дёртали Люсю за толстую пшеничную косу, пытались вырвать у меня из рук Светин портфель и дразнились: «Лук, чеснок, чистюля, перец!..»

Лук, чеснок, чистюля – ладно, ещё можно было как-то понять. На эти слова походили наши фамилии: Лукин, Чеснокова и Чистякова. Но «перец» здесь при чём?.. «Спекулянты! – кричали мы в ответ, сразу забывая о своих страшилках. – Спекулянты несчастные!..» В городке была мода на вышивку болгарским крестом. Нитки для этого нужны были особые – мулине. Их трудно купить или, как говорили взрослые, достать. Но некоторые пацаны из рабочего посёлка где-то всё же доставали. Однако по домам не ходили, а стояли на видном месте и ждали покупательниц.

Самым приметным был Мурмек, толстый, нескладный и хитрый. Это было его прозвище или так звали на самом деле – никто не знал. Он никогда не дразнился и не дрался, потому что мы могли сказать мамам, и они не станут у него покупать мулине. Да ещё отругают.

Я забыл сказать, что за последними домами нашего Ази Асланова шла железная дорога.

Сначала по высокой насыпи мимо торфяной горы дяди Гриши, потом железнодорожная насыпь становилась всё ниже, ниже и, наконец, рельсы шли почти по ровному месту. Здесь с обеих сторон железной дороги текли ручейки. В них водились рыбёшки величиной с палец. Этим рыбёшек мы и удиили.

В первый же день летних каникул я, Витька и Шурка Неклюдовы отправились рыбачить. Витальку я не взял, слишком мал, даже в школу ещё не ходит. Считает, что в радиоприёмнике живут маленькие люди, которые поют, играют на разных инструментах, а по вечерам рассказывают всякие истории. Я тоже когда-то в это верил, одно мне было непонятно – как они все в приёмнике помещаются? И что едят и почему никогда не спят? Можно ночью включить радиоприёмник, и в нём обязательно поют или что-нибудь рассказывают. Когда я спрашивал взрослых, почему так, от меня или отмахивались, или говорили, что пойму в старших классах.

Маме я ничего насчёт рыбалки не сказал, а то не отпустила бы. Она считала, что это опасно – по железной дороге время от времени проходили грузовые составы. Червяков мы накопили на торфяной горе, червяки нужны были особые, длинные. Катушку ни-

ток я утащил из дома, а удилицами нам служили высохшие прошлогодние камышины.

– А где ваши фуражки? – спросил я у Неклюдовых. Без фуражек ничего поймать было невозможно.

Витька сердито посмотрел на Шурку:

– А ну быстро за фуражками!..

Шурка взглянул исподлобья:

– Сам беги.

Но получил подзатыльник от старшего брата и поплёлся обратно в городок.

Нас с Витькой охватил рыбацкий азарт. Не дожидаясь, когда вернётся Шурка с фуражками, мы к высохшим камышинам приладили по нитке. Потом выбрали самых длинных червяков и привязали их к концам наших «лесок». Полагалось бы прикормить рыбёшек, сновавших в ручейке, но об этой рыбацкой хитрости мы ещё не знали.

– Тихо... – шёпотом скомандовал Витька, хотя я не проронил ни слова. Витька вообще любит командовать. Он закинул свою удочку поближе к камышам. Рыбёшки заметили червяка и стали суетиться вокруг него. Наконец одна принялась червяка заглатывать.

– Тяни! – не выдержал я, забыв про свою удочку. – Чего ждёшь?! Тяни!..

Витька слишком резко дёрнул камышину, и

рыбёшка в воздухе сорвалась. Она не успела как следует заглотать червяка, а крючков на наших «лесках» не было. Подхватить её своей фуражкой на лету я не успел.

– Эх, ты! – сказал Витька.

– Сам виноват. Фуражку забывать не надо!..

– Не учи учёного, съешь говна печёного!

– Чего-о-о?

– Что слышал.

Витька толкнул меня в грудь, и я чуть не свалился в ручей. Наверно, мы подрались бы, у нас с Витькой это бывает.

– Паровоз! – закричал издали Шурка, размахивая фуражками. Как бы ни пекло солнце, Неклюдовы фуражек никогда не надевали. – Атас!..

Ссорясь, мы не услышали, что приближается поезд. Лучше было отойти от железной дороги. Машинисты не любили посторонних у путей, особенно нас, мальчишек. Порой пугали, выпуская пар и окутывая паровоз с красными колёсами шипящим белым облаком. Ребята постарше говорили, что пар отработанный, не горячий, но лучше было всё же держаться от паровоза подальше.

Рыбалка началась, когда состав прошёл. Надо было дать рыбёшке заглотать червяка до самой нитки, а потом быстро вытащить из ру-

чья. Главное, успеть подставить фуражку под сорвавшуюся в воздухе рыбёшку. Иначе червяк выскальзывал из неё, и добыча шлёпалась обратно в ручей.

Как всё-таки странно! Урок в школе продолжается сорок пять минут, а кажется, намного дольше. А здесь несколько часов пролетели быстрее одного урока. Мы поняли это, когда червяки в банке кончились.

– Уже часов пять, наверно, – сказал, прищурившись на солнце, Витька. – Айда домой, а то влетит. И есть уже охота.

Неклюдовы, как и я, маме не сказали, куда идут.

– А что с рыбой делать? – кивнул Шурка на стеклянную банку, в которой сновал наш улов. – Выпустим обратно?

Витька посмотрел на него как на больного.

– Ещё чего! Нашему Рексу отдадим. Видел, как он извёстку лизал? Её ценку для костей надо, а в рыбьих костях извести полно... Или Женькиному Чернышу скормим, кошки рыбу любят.

– Дома сразу поймут, куда мы ходили, – хмыкнул я. – Тогда точно влетит, на улицу пускать не будут.

– А я знаю, а я знаю! В цистерну выпустим! Там в воде дафнии водятся, корм рыбкам бу-

дет!.. – Шурка чуть не прыгал от радости от своей идеи.

Для чего в нашем городке цистерны с водой, мы не знали. Они были глубоко вкопаны в землю и казались огромными. Это потом нам рассказали, что в бетонных цистернах запас пресной воды на всякий случай. Вдруг водопровод испортится или дом загорится, а кругом пустыня, воды нет.

Нам нравилось топтать сандалиями по гулким доскам, закрывавшим цистерны. Или заглядывать в щели между досками, высматривать в солнечных полосах на воде дафний. В одну из щелей пошире мы и выпустили рыбёшек. Но как они набросятся на прыгающих, словно водяные кузнечики, дафний, смотреть не стали. Надо было идти домой. Очень хотелось есть. И ещё неизвестно, как дома нас встретят. Ведь ушли без разрешения. И катушку ниток я у мамы утащил...

БРАТ ЗА БРАТА

За рыбалкой и другими событиями я совсем забыл рассказать, что этим летом у нас случилось ещё одно важное событие. Мама принесла из сарая первое яичко. А потом стала приносить их каждый день. И уже не по одному.

Она сделала так, как и собиралась. Стоило цыплятам опериться, мама перевела их в сарай. Дров и угля там почти не осталось, всё «съела» наша красивая немецкая печка. Папа сколотил нашесты, на них молодые несучки не сразу, но научились взлетать. Верховодил в этом «гареме» петушок, его мама оставила на развод. В тёмном углу сарая мама устроила гнездо, выложила его высохшей травой. А чтобы курицы знали для чего оно, положила в гнездо выточенное из мела яйцо, очень похожее на настоящее.

Первое яйцо мама сварила и поделила на четыре части. Папа долго смаковал свою часть, потом, прищурив, словно от удовольствия, глаза, сказал:

– Надеюсь, теперь все поняли, почему столько дней мы терпели амбре наших крылатых квартирантов? – При этом папа помахал ладонью перед носом. – Конечно, яйца можно было купить в военторге, но это было бы совершенно не тот коленкор!

На этот раз мама не стала упрекать папу за его шутки, а серьёзно сказала:

– Конечно, выращенное самим, лучше и вкуснее покупного.

– Совершенно верно, мадамчик! Целиком и полностью поддерживаю вас!

– Ну тебя! – отмахнулась мама. – Тебя бы заставить щупать куриц, по-другому заговорил бы!

Папа глубокомысленно покачал головой:

– На то вы и хозяйка, Клавдия Ивановна.

Я не раз видел, как мама щупает куриц. Занятие не из приятных. Мама засовывала курице палец под хвост и одних выпускала из сарая, а других – нет. На мой вопрос, почему она так делает, сказала: «Не отвлекайся, а то прошмыгнёт не щупаная!» Потом объяснила: не выпущенные из сарая – с яйцом, пусть снесутся сначала. А то потеряют яйцо или снесутся, где не надо. Разве для этого мы их завели и кормим?

В Ази Асланова были не только куры. Некоторые офицерские жёны заводили уток. Те вообще не признавали гнёзд. Они роняли свои яйца, где им вздумается. Мы не раз находили их в невыгоревшей траве. Летнее солнце пекло так усердно, что утиные яйца становились почти варёными. Мы с Шуркой и Витькой отдавали их Барбосу и Рексу Неклюдовых. Те съедали яйца прямо со скорлупой. Наверно, оттого, что кальция в их организмах действительно не хватало.

А вот индюков держали только Ляликовы. Как говорил Генка, из-за мяса, его в них мно-

го. Главный индюк мне не нравился. Заносчивый какой-то. И кричал противно. Индюшки были ещё ничего, а индюк распускал хвост, пыжился изо всех сил, а его багровый снуд – так, оказывается, называется сизый нарост над клювом – свисал почти до земли.

Всё это не смущало нашего Петруху. Он задира индюка, норовил клюнуть снуд, ударить шпорами, но силы были слишком неравны. В конце концов индюк, улучив момент, хватал Петруху за гребень и принимался трепать. Кровь заливала нашему петуху глаза, капала на землю.

Однажды плачущий Виталька прибежал домой.

– Там индюк... Петрухе глаз... выклевал, – рыдал брат. – Я индюка отгонял, а Ляликов... ударил меня... – И Виталька согнулся, обхватив руками живот.

Кровь ударила мне в голову. Скотина! Виталька болел малярией, его каждый год кладут в больницу, а этот!..

– Где он?!

– Не знаю...

– Что случилось? Почему Виталя плачет? – Мама выглянула из подпола, где хранился запас яиц. Подпол служил нам холодильником, там в любую жару было прохладно.

Ничего не говоря, я ринулся к сараям.

– Где Ляликов?!

Вид у меня, наверно был такой, что игравшие в классики девчонки шарахнулись в разные стороны. Только и смогли махнуть руками в сторону дома Ляликовых.

Если бы в этот момент нашёлся кто-нибудь с секундомером, он наверняка зафиксировал бы новый мировой рекорд в беге на короткую дистанцию. Расстояние от сараев до дома Ляликовых я пролетел как молния. Перепуганный Генка стучал в дверь руками, повернувшись спиной, бил ногой, но никто ему не открывал. Наверно, никого не было дома. Генка опёрся на дверь спиной, ноги его не держали, на лице застыл ужас. Я налетел на него, стал бить, куда попало. И если бы вдруг дверь открылась и появились Генкины родители, это не остановило бы меня. Негодяй, скотина, поднял руку на моего младшего брата. Убью!..

Конечно, не убил бы. Но злости во мне было столько, что только подроспевшая мама и смогла остановить меня.

– А ну прекрати сейчас же! – оттягивая от Ляликова, ругалась она. – Пускай родители с ним разбираются! А мы в суд подадим!..

Я несколько раз пытался вырваться и ещё врезать Генке, но мама держала меня крепко.

Конечно, вечером все стало известно папе. Я ждал нагоняя, но папа сказал:

– Правильно поступил, по-мужски. Кто Виталия мог защитить, кроме старшего брата? Теперь этот барбос надолго запомнит урок. Я ещё с его отцом поговорю. Вырастил, понимаешь, хулигана!

Не знаю, говорил папа с Ляликовым-старшим или нет. Но Генка стал обходить меня стороной. И Витальку тоже. Я этому девчатнику на всякий случай показывал кулак. Пусть помнит!.. Лилю Останину я ему тоже не забыл.

НИКИТА, Я И ЧЁРНЫЙ КОТ

Мама знала, как уложить нас спать. Но сначала заставляла мыть ноги и сменить трусы, в которых мы весь день болтались на улице.

Бакинское лето жаркое, даже ночью душно. Поэтому мама стелет нам на полу. Вокруг необычной нашей постели она укладывает толстую верёвку из овечьей шерсти – это от фаланг, они боятся овечьего запаха. Боятся фаланги и запаха кошмы, но спать на кошме, даже накрыв её простынёй, летом невозможно.

Сквозь прорези ставен течёт слегка остывший воздух – оставлять открытыми окна на ночь мама опасается. Лукаво поглядывая на

нас с Виталькой, она раскрывает «Детство Никиты». Ни я, ни брат не знаем, кто написал эту красивую книгу, но для нас это не имеет значения. Главное – что в ней происходит. И даже то, что набегались за день, нам не мешает слушать.

Мы в предчувствии незнакомой интересной жизни кучерявого мальчика Никиты. То, что он кучерявый, видно по цветным картинкам. Они приклеены каждая на отдельной толстой странице и переложены полупрозрачной папиросной бумагой. Мы с братом притихаем, готовые слушать мамино чтение.

Каждый вечер она читает нам по одной-две большие страницы книги. Мы слушаем почти не дыша. Страницы пахнут совсем не так, как тонкие детские книжки, купленные в военторге. «Детство Никиты» где-то раздобыл папа, знающий в книгах толк. Она ещё довоенная, «шикарная», как говорит в таких случаях наша соседка тётя Настя Мелещенко.

Став старше, я прочту название издательства, выпустившего «Детство Никиты» – «ACADEMIA», 1934 год. Как давно это было!.. «Ещё до войны», – говорит мама. А события, описанные в книге, произошли ещё раньше, до революции!.. Необыкновенным волшебным запахом, чудится мне, пропитана не только книга, но и

жизнь мальчика Никиты, его домашнего учителя Аркадия Ивановича, Никитиной матушки Александры Леонтьевны, закадычного дружка Мишки Коряшонка и других людей, столько лет живущих в книге.

– Трусить не будете? – спрашивает мама. И поглядывает на нас испытующе, с усмешкой. Она знает, мы не признаемся, если даже будем трусить, – как-никак сыновья офицера, а я ещё и пионер. – Ну-ну, посмотрим!

И начитает читать о сне, который видит курчавый мальчик Никита уже не первый раз.

Вскоре мне начинает казаться, что я рядом с Никитой и сам вижу, как легко и неслышно открывается дверь в залу деревенского помещичьего дома. На паркете лежат голубоватые отражения окон. За окнами большим светлым шаром висит луна. В углу залы расселся низкий диван. Как и кресла в зале, он сидит без лица, без глаз, но почему-то кажется, что уставился на луну. От одного этого мне становится не по себе.

– Мам, а почему не «зал», а «зала»? – спрашиваю я, стараясь не поддаваться подступающей жути.

– Раньше так говорили, – скороговоркой отвечает мама. Читать ей интересно, хотя, быть может, тоже немного страшно. – Не переби-

вай. Так вот, из-под дивана вылезает кот Василий Васильевич. Потянулся и пошёл, чёрный и длинный. Сел перед часами на стене. Маятник качается. Вверху, на футляре часов видна вазочка с львиной мордой. Портреты старика и старушки над часами строго смотрят на кота. Но кота это не смущает. Он поднялся, одной лапой опёрся на футляр, а другой старается остановить маятник. А стекла-то в футляре нет! Вот-вот кот достанет маятник лапой!..

Мама перестаёт читать, на время замолкает и смотрит на нас. Виталька, кажется, уже заснул, посапывает. Я толкаю брата – не спи, слушай! Мама прижимает палец к губам, мол, не буди его. И продолжает читать, но уже тише.

«Будет беда... Страшно!» – думает то ли Никита, то ли уже я сам.

Лунный свет неподвижно лежит длинными квадратами на полу. Всё в зале затихло, мебель присела на ножках. А кот вытянулся, прижал уши и пробует достать лапой маятник. Мы с Никитой почему-то знаем: если кот достанет – маятник остановится, и в ту же секунду всё треснет, расколется, зазвенит и, как пыль, исчезнет. Не станет ни залы, ни лунного света, ни нас с Никитой.

От страха у Никиты (или у меня?..) звенят в голове острые стёклышки, мурашки бегут по всему телу. Пол вдруг уходит вниз, это Никита сел на постели. Оглядывается. В комнате – два морозных окна, сквозь стёкла видна странная, больше обыкновенной, луна. На полу стоит горшок и валяются сапоги.

«Господи, слава тебе, господи!» – Никита наспех перекрестился и сунул голову под подушку. Подушка была тёплая, мягкая, битком набитая снами...

– Да ты тоже спишь! – Мама поднимает голову, закрывает книгу. – Ещё бы, набегались за день!.. Завтра, нет, послезавтра я вам прочитаю про вазочку с львиной мордой, которая сверху на часах. Там окажется... что – сейчас не скажу, но очень интересное. Виталька дрыхнет без задних ног, давай и ты. Спокойной ночи.

Мама выключает свет и, сняв в темноте халат, ложится к нам на пол, на тонкое летнее одеяло, застеленное простынёй. Едва ощутимые сквознячки проникают через прорези закрытых ставен. С закрытыми ставнями мама спит, когда папу назначают дежурным по гарнизону и его нет дома. Или когда идут полковые учения и офицеров переводят на казарменное положение. А обычно мы спим с открытыми настежь окнами. Прежде чем лечь, мама проверяет, не

сбилась ли вокруг нашей постели верёвка из овечьей шерсти. Фаланг и скорпионов в военном городке боятся.

Мне хочется спросить, почему мальчик Никита, будто старушка, говорит «слава тебе, господи!» и крестится. И почему возле его постели горшок и сапоги? Тоже от фаланг и скорпионов? Они и тогда были?.. Но я знаю, что мама не ответит. Если сказано спать, значит – спать.

БОЛЬШИЕ РЕБЯТА

Кроме нас, второклассников и третьеклассников, в нашей части военного городка имени Ази Асланова жили ребята и старше нас. Витька Ганин и Валера Самченко, например. Витька пятиклассник, у него переэкзаменовка по русскому, но он и не думает братья за учебник. Заставить его готовиться некому. Мама с младшей Витькиной сестрой на лето уехали на её родину, в город Калинин, там не так жарко. А отец служил на острове и приезжал домой редко.

Витька любил рассказывать истории про домовых. Мы собрали шары верблюжьей колючки, соорудили из них что-то вроде шалаша и слушали Витькины истории. Они у него были

таинственные и страшные. Мы спрашивали, почему они такие. «Потому что наш военный городок строили пленные немцы и финны, – отвечал со значением Ганин. – Потому в этих домах живут немецкие и финские домовые. Тоже фашисты». И рассказывал, как один офицер приехал с острова и лёг спать. Среди ночи проснулся, потому что почувствовал, в квартире есть кто-то ещё. Рядом с домом стоял столб с лампочкой, и офицер заметил, как невидимая рука сняла со стены гитару и принялась играть похоронный марш. Потом почувствовал, что кто-то душит его. Невидимая рука сжимала горло всё сильнее и сильнее...

В этом месте Витькиного рассказа мы с Неклюдовыми и другими пацанами стискивали зубы, чтобы они не стучали. Но с мурашками, которые побежали по телу, мы справиться не могли. Ганин, подражая офицеру, грубым голосом крикнул: «Кто ты, домовый или человек?.. Отвечай, а то застрелю!» Гитара продолжала висеть в воздухе и играть похоронный марш. Офицер выстрелил. Утром он обошёл весь дом, но никого не нашёл. Лишь на чердак тянулась струйка засохшей крови, но и там никого не оказалось...

В продуваемом ветром шалаше Ганин не только пугал нас своими рассказами о фа-

шистских домовых. Там мы выучили слова известных песен – у Витьки была книжка-песенник. В ней стихи о наших солдатах, возвращающихся с войны дорогою степною. «От жары и злого зноя гимнастёрки на плечах повыгорали. Своё знамя боевое от врага солдаты грудью защищали...» Эту песню часто передавали по радио, так что мелодию мы знали, а теперь знали наизусть и слова. Кроме них выучили ещё тексты песен «Три танкиста, три весёлых друга...», «Катюша», «Непобедимая и легендарная...», «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», слова других известных песен. И пели их в нашем шалаше из шаров верблюжьей колючки.

Витькин друг Валера Самченко был старше его и учился хорошо. В восьмой класс он перешёл с похвальной грамотой, как и полагается сыну начальнику штаба полка. Большие эти ребята договорились, что вместе будут поступать в военное училище. Для этого Валера подождёт, пока Витька тоже окончит десять классов.

Валера Самченко, как и Витька Ганин, жил пока один. Его родители уехали в военный санаторий, и Валера разрешал приходить к нему домой. У Самченко – редкость по тем временам – был телевизор КВН с линзой, в которую

наливали самую чистую воду. В семь часов вечера начинало работать Бакинское телевидение, к этому времени мы и старались попасть к Валере. Новости нас интересовали мало, а вот кино мы смотрели с удовольствием. Особенно «Аршин-Малалан», где пел Рашид Бейбутов. Этот фильм и Рашида Бейбутова любили все: и азербайджанцы, и русские.

У Валеры была малокалиберная винтовка – «мелкашка», как он её называл. Мы просили дать нам хотя бы разочек выстрелить, но Самченко не давал. «Вам ещё нельзя», – говорил Валера. Он стрелял сам – в чаек, которые прилетали с моря и таскали подросших цыплят, в том числе и наших. Ещё Валера стрелял голубей, которых много развелось в нашем городке. Жили голуби на пустующих чердаках домов, хозяев у них не было.

На Валериной охоте мы были болельщиками. Громко возмущались, когда чайки увёртывались от пуль или поднимались так высоко, что «мелкашка» их не доставала. С голубями было проще. Стрелять Самченко нам не давал, но ощипывать подстреленных заставлял. Самое неприятное было ощипывать голубей, испачканных кровью. Разделявал тушки и варил из них суп на электроплитке Валера сам. Потом все вместе мы этот суп ели. Он

нам казался вкуснее, чем тот, которым нас кормили дома.

По вечерам, если по телевизору не было кино, мы сидели на крыльце, и Валера рассказывал, как недавно ездил в пионерский лагерь в Мардакянах. Я тоже был прошлым летом в этом лагере для детей военных, но в самом младшем, пятом отряде. Между аллеями пионерского лагеря росли фисташки, инжир и персики. Старый садовник-армянин говорил, что там водятся ядовитые змеи – может, пугал нас, чтобы мы не рвали инжир и персики. А может, змеи там и в самом деле водились.

Несколько раз наш отряд возили на море купаться. Мы проезжали мимо настоящей старинной крепости. Море в Мардакянах было синее, прозрачное – не то, что возле нашего городка. Однажды над самыми волнами с рёвом пронеслись два реактивных самолёта, это тоже запомнилось. В лагере было много кружков. Я записался в акробатический и научился делать «свечку» и стойку на руках. А ещё был кораблестроительный кружок, в который я тоже записался. Но смастерить кораблик с мачтой и парусами наш кружок не успел – закончилась смена. Так, незаконченным, мы и оставили его в лагере – пусть ребята следующей смены доделают...

В одном отряде со мной была Света. Когда показывали кино, мы садились рядом, и она, устав за длинный день, засыпала, положив голову мне на колени. Конечно, слабенькая. В такие минуты я особенно чувствовал, как сильно люблю её. Мне хотелось, чтобы Свету кто-нибудь обидел, а я её защитил. Такого ещё ни с одной девочкой у меня не было. Сейчас Света опять в лагере, и я хочу, чтобы она быстрее возвращалась. Без неё скучно и как-то пусто, хотя ребят и девочек даже летом в Ази Асланова хватает. Наверно, Света уже в четвёртом отряде...

А вот Валера Самченко в этом году был в первом отряде, для самых старших. Он рассказывал, что для них каждый вечер проводились танцы под аккордеон. Воспитатели и пионервожатые следили, чтобы ребята не прижимали к себе девочек, а то они объявят отбой и всех отправят спать. «Сиськи у девах, наверно, ого-го!» – прыскал Витька Неклюдов. Валера усмехался: «Естественно, первый отряд. Я с одной девочкой дружил, теперь переписываюсь. Она далеко живёт, в Красноводске, это на другой стороне Каспийского моря... – Валера поднялся и стало заметно, как натянулись его трусы. – Ну что, пацаны, по домам? Вас уже ищут».

И в самом деле, со стороны дома Неклюдовых раздавалось: «Витька! Шурка! Домой немедленно!..»

ДЕНЬГИ

Ещё до школы я знал, что деньги необходимая в жизни штука. Без денег в магазине ничего не дадут, на карусели в парке имени Низами не покатают, в тире не постреляешь и многого чего другого не сможешь сделать. И вообще:

*Всюду деньги, всюду деньги,
Всюду деньги, господа.
А без денег жизнь плохая,
Не годится никуда.*

Песенку эту я услышал от Витьки Неклюдова, а он от своего отца. Витькин отец служит на острове, на котором ещё недавно служил наш папа. Старший Неклюдов начфин, выдаёт офицерам зарплату. У военных она называется денежным довольствием. От денежного довольствия отца перепадало кое-что и Витьке с Шуркой, но он об этом не знал. Братья не прочь были пошарить по карманам его шинели, таскали из них мелочь. Витька шёпо-

том ругался на Шурку: «Ты чё, дурак? Не выгребай всё!.. Отец заметит и выдерет!»

Соблазн был и у меня. Папа тоже вешал шинель в прихожей, так что можно было, улучив момент, вытащить немного мелочи. Из маминых карманов тоже. Неклюдовы покупали себе конфеты, мороженое и пистоны для пистолета, мне тоже хотелось. Но папа давал только по рублю, когда проводил конкурсы на лучшее исполнение песни или стихотворения. Это случалось не так уж часто. И много ли купишь на рубль? А мама давала деньги лишь на хлеб, когда посылала в воен-торг. И всё.

Лазить по карманам родителей меня удерживало наказание – совесть в то время во мне ещё по-настоящему не проснулась. Но гордость уже была. Лизнуть у Неклюдовых мороженое или откусить от конфеты я никогда не просил. И Витальке не разрешал.

Повезло нам только однажды. И то ненадолго. Как-то брат позвал меня на веранду, где мы обычно играли в ветреные дни. Вид у Витальки был таинственный.

– Смотри, что у меня! – И он вытащил из кармана несколько сложенных пополам трёхрублевок.

– Откуда это?

– Возле сараев нашёл. За верблюжьи колючки зацепились.

– Пошли! – скомандовал я. – Может, там ещё осталось.

Возле сараев мы осмотрели все кусты верблюжьей колючки, болтающиеся под ветром на крепких корнях. И в самом деле, нашли ещё несколько трёхрублевков. Наверно, их и трёхрублевки, которые нашёл Виталька, кто-то потерял.

Дома мама встретила нас словами:

– Что это вид у вас такой радостный? А ну выкладывайте!

– Чего нам радоваться? – буркнул я. Главное, чтобы Виталька не проболтался. Мама могла забрать трёхрублевки, она считала, что деньги детям ни к чему – живут на всём готовом. Но это знал я. А вот Виталька...

– Мам, мы деньги нашли, – ляпнул мой честный брат.

– Ну-ка, ну-ка. Что за деньги, показывайте! Может, это тётки Насти Мелещенко. Она сегодня шла в военторг и потеряла. А до полочки ещё как до Москвы на четвереньках... Все по три рубля? Давайте-ка сюда!

Вот тебе и конфеты, и мороженое, и пистоны для пистолета!.. С большой неохотой я отдал маме деньги.

– Всё правильно. Настя говорила, все по три рубля. Пойду её обрадую.

Соседка, правда, нас потом отблагодарила. И мне, и Витальке купила по шоколадке. Но это всё равно не мороженое, которое ешь сколько хочешь, и не пистоны для пистолета...

Курить Витька стал ещё во втором классе. Они с Шуркой копили добытую в отцовых карманах мелочь и шли с ней в военторг. Продавщице говорили, что папиросы их попросили купить курсанты из сержантской школы.

– Клянусь аллахом, скажу матери! – грозилась продавщица с усиками. Но пачку папирос всё-таки бросала на прилавок.

– Честное слово, курсанты просили...

– Маме своей расскажи! Иди отсюда, иди, да. Кого обманывать хочешь, э?! Как твоя фамилия?

– Иванов, – отвечал хитрый Витька.

– Иди, Иванов, не приходи больше! Курить хочешь, поджечь посёлок хочешь?! Несчастливыми людей сделать хочешь?!

Усатая продавщица была права. Пожары в нашем посёлке из щитовых, прокалённых солнцем домов случались довольно часто. В том числе и по вине ребят, которые втихаря курили, подражая взрослым.

– Всё правильно. Настя говорила, все по три рубля. Пойду её обрадую.

Соседка, правда, нас потом отблагодарила. И мне, и Витальке купила по шоколадке. Но это всё равно не мороженое, которое ешь сколько хочешь, и не пистоны для пистолета...

Курить Витька стал ещё во втором классе. Они с Шуркой копили добытую в отцовых карманах мелочь и шли с ней в военторг. Продавщице говорили, что папиросы их попросили купить курсанты из сержантской школы.

– Клянусь аллахом, скажу матери! – грозилась продавщица с усиками. Но пачку папирос всё-таки бросала на прилавок.

– Честное слово, курсанты просили...

– Маме своей расскажи! Иди отсюда, иди, да. Кого обманывать хочешь, э?! Как твоя фамилия?

– Иванов, – отвечал хитрый Витька.

– Иди, Иванов, не приходи больше! Курить хочешь, поджечь посёлок хочешь?! Несчастливыми людей сделать хочешь?!

Усатая продавщица была права. Пожары в нашем посёлке из щитовых, прокалённых солнцем домов случались довольно часто. В том числе и по вине ребят, которые втихаря курили, подражая взрослым.

Витька торопливо брал пачку «Севера» и, забыв, что мелочи хватало бы на несколько пачек папирос, выскакивал из магазина. Прыти ему придавал несущийся вслед сердитый голос продавщицы.

Курить только с Шуркой было скучно, и Витька звал других ребят, меня тоже. Мы устраивались где-нибудь за сараями – там, где нас заметить трудно. Курильщики мы были так себе, выкуривали всю пачку сразу. Потом некоторым ребятам становилось плохо, они бледнели, кое-кого даже рвало.

Курить меня отучила мама. Она как-то почувствовала запах табачного дыма от моей одежды. Дала подзатыльник, отругала, поставила в угол, а это было унижительнее всего – как-никак я уже в третий класс перешёл, к тому же пионер.

– Помнишь, я тебе про настоящий клад говорил? Ну, когда в школе сундук с золотом капитана Флинта искали, – сказал однажды Витька. – Ты тогда со Светкой ушёл, а я почти два рубля откопал. Пошли?

– Это где же деньги закапывают? – Я засмеялся. – В стране дураков?

– Не веришь?! – возмутился Неклюдов.

Мы валялись в тени хлебного дерева в сквере сержантской школы. Днём здесь было

самое прохладное место во всём военном городке.

– Почему, верю. Мама нам книжку про Буратино тоже читала. И про лису Алису с котом Базилио...

– Ну и что! Там сказка, а это на самом деле! Пошли или дрейфишь?

Витька знал, как задеть меня – упрекнуть в трусости. Я пожал плечами.

– Пошли, посмотрю на твою страну дураков. Но курить не буду, говорю сразу.

– Мама не разрешает? – съехидничал Витька.

– Не твоё дело.

Страной дураков оказалась спортивная площадка с брусьями, турниками, волейбольным мячом и полосой препятствий. Днём здесь тренировались курсанты, а по вечерам собирались ребята и девчонки из ближних домов, чтобы играть в волейбол. Иногда их прогоняли со спортивной площадки, иногда – нет. Всё зависело от того, какой был в тот вечер часовой.

Сейчас часового не было. Не было и курсантов – в полдень у них был тихий час, совсем как в пионерском лагере. Витька направился к турнику, опустился под ним на корточки и принялся процеживать песок между пальцами.

– Чего стоишь? Давай тоже!

Я ничего не понимал:

– Откуда здесь деньги?

– Ты что, не знаешь, как занимаются на турнике?.. Не только подтягиваются, но и переворачиваются. Подъём переворотом называется.

– Ну и что?

– А то! Копейки из карманов брюк высыплются, в песок падают. Курсантам искать их некогда. Сержант командует перейти к другому снаряду, брусьям там или к полосе препятствий... О, пятнадцать копеек! И ещё три!.. Теперь веришь?

Поиск монет оказался увлекательным занятием. Принялся искать деньги и я. Мы перерыли весь песок под турниками. Потом пошли к брусьям. Но там монет почти не было, потому что на брусьях вверх ногами курсанты не переворачивались.

– У меня шестьдесят пять копеек, – сказал Витька, вытирая потный лоб и оставляя на нём следы грязных пальцев. После тенистого сквера в школе сержантов на солнце было особенно жарко. – А у тебя?

У меня было меньше. Конечно, Витька опытный «кладоискатель».

– Что ты со своими деньгами будешь делать?

– Пока не знаю. Может, фруктового мороженого на Электротокке куплю. А может, папирос. А ты?

Я знал, но Витьке говорить не хотел. Смеяться будет.

Правильно было бы отдать деньги курсантам, ведь мелочь из их карманов. Но кому?.. А если на всех разделить, то ерунда получится. Надо дать тому, кому деньги больше всех нужны.

Как я уже говорил, некоторые солдаты просили ребят пойти в военторг и купить белого хлеба. Я соглашался, если просили меня. И однажды поступил нечестно. Купил хлеба не на все деньги, которые мне дали, а немного оставил себе. В общем, совесть в то время во мне ещё по-настоящему не проснулась. Но теперь то я уже пионер, значит, и поступать должен честно.

– Так ты пойдёшь со мной на Электроток за мороженым?

– Нет, мне домой надо.

– Чего ты дома забыл? Пошли!

– Не пойду. У меня дела.

– Деловой какой, – стал насмехаться Витька. – А я ему ещё о кладе рассказал!..

– Никто тебя не просил.

В общем, мы с Витькой поругались, чуть

не подрались. Я твёрдо решил отдать чужие деньги. Но идти сейчас к лазу в заборе вокруг сержантской школы смысла не было – у курсантов тихий час. Надо завтра перед обедом. Или сегодня вечером, перед ужином.

И ещё я боялся, что если пойду с Витькой на Электроток, то не выдержу, потрачу деньги на мороженое. В такую жару не поможет даже то, что я пионер. Главное, узнать солдата, часть денег которого я прикарманил. Точнее – украл.

Несколько дней я дежурил у лаза. Но солдата, деньги которому хотел отдать, так и не увидел. А может, видел, но не узнал – солдаты похожи друг на друга, все в одинаковой форме.

Однажды я заметил старшину Мирутенко. Он занимался с курсантами на плацу. Я дождался, когда Мирутенко объявит перекур, и подошёл к нему.

– Товарищ старшина, я из пятьдесят девятой школы, вы наш шеф... – И рассказал, что забыл отдать сдачу одному солдату, который попросил купить белого хлеба. Сказать, как было на самом деле, мне было стыдно.

– А какой он, твой солдат? – Старшина Мирутенко задумался. – Как я тебе его найду? Смотри, сколько их в курилке... Пошли.

И он подвёл меня к скамейкам вокруг вко-

панной в землю железной бочки. Солдаты, побросав в неё недокуренные папиросы, торопливо встали.

– Вольно. Кто давал этому парню деньги на белый хлеб?

Солдаты молчали.

– Обещаю, наказывать не буду.

– Может, из другого взвода? – раздался несмелый голос.

– М-да, задача, – хмыкнул Мирутенко и повернулся ко мне. – Обещать тебе ничего не могу, но у других старшин поспрашиваю. Приходи завтра.

Я приходил и завтра, и послезавтра, и на следующий день. Нужный мне солдат не находился. Наверно, боялся, что накажут. Порядки в сержантской школе строгие.

И я решился. Пошёл на спортивную площадку, высыпал мелочь под турник и разровнял песок.

Денег было жаль, зато я поступил честно. Я не жулик. Не вор.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЁ

Самое интересное для нас с Виталькой – походы в парк культуры и отдыха имени Низами. Это был едва ли не единственный зелёный

островок, настоящий оазис неподалёку от нашего военного городка.

В парке Низами легко было представить Тарзана, затаившегося в кронах высоких деревьев – фильм о диком человеке шёл по всей стране. Когда мы смотрели его в открытом кинотеатре на Электротоке, в самые страшные моменты Виталька, да и я тоже, отворачивались от экрана. Но когда рядом с нами кроме мамы был папа, мы ничего не боялись.

– Интересно! – сказал однажды папа, останавливаясь у входа в парк. – Первенство по боксу среди молодёжи... Как, хлопцы, посмотрим?

На фанерном стенде для объявлений был прикреплен лист белой плотной бумаги. На нём изображались стоящие один напротив другого два человека в длинных трусах и с большими коричневыми кулаками. Смотрели они друг на друга, нагнув головы, исподлобья. Ноги у боксёров были полусогнуты, казалось, парни вот-вот начнут приседать как во время физзарядки.

– Обычный мордобой, ничего хорошего. – осуждающе сказала мама. – Нечего им на это смотреть.

– Не скажи. Будущим мужчинам надо уметь постоять за себя. Как, ребята, посмотрим?

Витальке не исполнилось и семи лет, собственного мнения иметь ему не полагалось, а мне было интересно, хотя о боксе я почти ничего не знал. Время телевизоров в военном городке только начиналось. Однако большие коричневые кулаки впечатляли. Наши пацаны довольно регулярно дрались.

– Пап, а что это у них на руках?

– Как – что? Специальные боксёрские перчатки, пора бы знать!.. Фильм такой был, «Первая перчатка», не смотрел?

– Откуда им знать, фильм довоенный, – вступилась мама. И тут же опять недовольным голосом выразила своё отношение к боксу: – Ладно, пошли в парк, а то как прилипли!..

Первым делом была карусель. Мама волновалась, не стошнило бы меня или брата. Но, как правило, обходилось. Потом шёл тир, в котором можно было выиграть приз. Однако цифры на «бомбах» (их сбрасывал самолёт, скользящий по тростику, он запускался точным выстрелом) никак не складывались в призовую сумму.

«Жулик! – говорил папа о смуглом человеке, распорядившемся в тире, и уводил нас. Портить выходной ему не хотелось, и он добавлял едва ли не с восхищением: – Это ж надо было так подобрать на бомбочках цифры, чтобы никто выиграть не мог!..»

– А не прогуляться ли нам, хлопцы? – наконец спрашивал папа, когда мы, пройдясь по парку и побывав едва ли не на всех аттракционах, опускались возле мамы на скамейку в тени. – Пусть мама пока почитает, не будем ей мешать. Я правильно, мадамчик, говорю? – И папа едва заметно подмигивал нам.

Мы с Виталькой давно ждали этих слов. Но у мамы были причины с подозрением относиться к папиным словам. Подняв от книги лицо (выходное крепдешинное платье предположало и книгу в руках, и тенистую скамейку, и послушных воспитанных детей – всё, как в любимых маминых книгах), мама испытующе смотрела на папу. И на всякий случай грозилась пальцем:

– Смотри мне! А то после каждого воскресенья у них горло болит!..

– Ну что ты! Как можно! – Папа в недоумении вздёргивал плечи с золотыми погонами на белом летнем кителе. – Мы и близко к кафе не подойдём!.. Обещаем, парни?

Я и брат торопливо кивали, про себя опасаясь, что папа на самом деле выполнит обещание. И мороженого нам сегодня не видать, как своих ушей. По крайней мере, столько, сколько захотим. На открытой веранде кафе уповательно сладкое мороженое подавали в запотевших ме-

таллических вазочках. Я до сих пор помню ладонями холод этих блестящих гладких вазочек.

Пломбир был если не вершиной нашего воскресного счастья, то одним из его пиков. И пусть на следующий день у нас болело горло, и мама, ругая лукавого папу, заставляла поло-скать горло противной марганцовкой.

В тот раз всё вышло по-другому.

– Сначала смотрим бокс, – решил папа, едва мы отошли от рейчатой скамейки, на которой осталась мама с книжкой. Он при-слушивался к крикам и свисту со стороны летнего театра. – Наука суровая, но бокс учит мужеству и стойкости. Пошли! – И по-вёл нас к затянутым плющом решётчатым стенам летнего театра. Папа был непривычно серьёзен.

– А мороженое?.. – дружно заныли мы с Ви-талькой.

– Будет вам и мороженое. Но потом.

На сцене летнего театра большим квадра-том были натянуты верёвки. Позже я узнал, что их называют канатами, а сцена считалась рингом. За верёвками, как на афишах при входе в парк, топтались два взрослых парня. Оба в майках и длинных трусах, на руках – большие коричневые перчатки, о которых я уже знал, что они боксёрские.

Разница была лишь в том, что парни не замерли на месте, как на афише, а прыгали один вокруг другого и норовили ударить. Рядом с ними всё время суетился какой-то человек в чёрных брюках, белой рубашке и с усиками, как у Чарли Чаплина. Это, объяснил папа, был рефери, то есть судья.

Болельщики на лавках перед сценой радостно вопили, если удар кого-нибудь из боксёров приходился в лицо или голову противника. «Врежь ему от души!», «По печени, по печени!», «Завали его!» и что-то ещё, но по-азербайджански. В военном городке, когда ребята дрались, появлялись их мамы или какие-нибудь другие тёти. Стыдя и ругаясь, они разгоняли драчунов. А здесь человек с чаплинскими усиками даже не думал стыдить и разгонять. Болельщики бурно радовались каждому удачному удару и в азарте даже вскакивали на лавки.

У боксёра в синей майке уже был разбит нос, кровь по губам стекала на подбородок. Видеть это было неприятно, а парня жалко. Когда судья что-то крикнул и, взяв его за локоть, повёл в угол между верёвками, я подумал, что драке под названием «бокс» конец. Но женщина в белом халате вытерла парню скомканным бинтом подбородок и нос. Потом кивнула судье – можно продолжать.

Судья, всё так же держа парня за локоть, повёл его в центр ринга. Там, нетерпеливо переминаясь, дожидался коренастый соперник в красной майке.

«Бокс!» – скомандовал судья и отскочил в сторону. Коренастый сразу же ударил, и его противник упал. Свист и восторженные крики зрителей были, наверно, слышны во всех уголках парка.

Судья наклонился над лежащим, стал говорить что-то отрывистое и в такт словам взмахивал рукой.

– Открыл счёт, – сказал папа, не отрывая глаз от ринга. – Если сейчас не поднимется – нокаут, проиграл!

Мне показалось, что и на нашего обычно добродушного весёлого папу подействовал общий азарт.

Лежащий боксёр с трудом поднялся, принял стойку, даже попытался ударить противника в красной майке, однако ноги плохо держали его, и он промахнулся.

– Все, поплыл, – сказал папа с досадой.

Красный боксёр ударил точно, и синий опять упал. Судья и на этот раз начал считать, наклонившись над ним и взмахивая рукой. Но самое большее, что сумел сделать синий, это ненадолго встать на четвереньки. Потом

опять завалился на бок. Кровь из носа текла на доски сцены.

– Десять! – закончил считать судья. – Нокаут!

Раздвинув канаты, на ринге появились два крепких парня и поставили на ноги упавшего. В их движениях и на лицах было презрение. Слабак!.. Судья взял проигравшего за руку выше перчатки, с другой стороны к судье, пританцовывая и всем своим видом показывая, что готов ещё раз как следует врезать, приблизился второй боксёр. Судья взял и его за руку выше перчатки. Зрители восторженно засвистели и принялись топтать ногами по гулкому дощатому полу летнего театра.

Когда был объявлен победитель, и перчатка красного взлетела вверх, на ринге появился какой-то человек в костюме и галстуке, несмотря на жару. В руках у него блестел кубок. Похожие стояли в уголке спортивных достижений нашей школы. Я уже знал, что завоевать кубок очень почетно.

– Так это был финальный бой, оказывается, – разочаровано заметил папа. Он почти не слушал человека в костюме с галстуком. – Мы опоздали, к самому концу пришли! Жаль!..

Но меня удивило другое. Человек в костюме протянул кубок не тому, кто едва держался на

ногах и был весь в крови, а боксёру в красной майке.

Я изумленно посмотрел на папу. Почему?.. Мало того, что до крови побили, так ещё кубок дали другому! Разве это справедливо? Разве честно?..

Парень с кубком, неуклюже зажав его в негнущейся перчатке, продолжал пританцовывать в боксёрской стойке. Время от времени он выбрасывал вперёд свободную руку, будто наносил удары. Зрители вокруг нас восторженно орали.

– Жизнь тётка суровая, слабых не любит, – отозвался папа на мой удивленный взгляд. – Умей быть сильнее, умей через не могу побеждать!.. – Он взял нас с Виталькой за руки и повёл к выходу из зелёного театра. – Ну что, хлопцы, теперь по мороженому? Вы как?

– Я не хочу, пап...

Папа наклонился ко мне, молча смотрел в глаза.

– Это пройдёт, сынок, – негромко сказал он. – Так бывает. Думаешь, красного не били? Не валялся он на полу?.. Главное, подняться и дать сдачи. Привыкай к жизни, ты мужчина. И тебя будут бить, и ты будешь...

Я молчал, едва не плача.

КОЛЕЧКО ИЗ ВАЗОЧКИ

Кому-то могут показаться странным мои слова, но каникулы надоедают. Они словно выдыхаются, как папин «Шипр», которым он освежается после бритья. Уже не знаешь, куда девать свободное время. Мама, конечно, находила нам с Виталькой занятия, в том числе на огороде. Поливать помидоры было нашей обязанностью. И покупать в военторге хлеб, выстояв очередь, тоже. К тому же с ребятами мы ходили рыбачить к железной дороге, это было интересно и заставляло время быстрее идти. Кроме того я сколько угодно мог гонять на самокате с жужжащими подшипниками по асфальтированным дорожкам нашего городка. И так натренировался, что меня никто не мог обогнать.

Всё это так. Но моих побед не видела Света – третья смена в лагере ещё продолжалась. От этого каникулы становились всё скучнее. Мне даже в школу захотелось.

Хорошо ещё, что к нам заезжали маминны племянницы Зоя и Валя. Вместе с мужьями они возвращались из отпусков. Я удивился, когда узнал, что эти взрослые тети – мои двоюродные сестры, и я могу называть их по имени и говорить «ты». Но пока не решался.

Тётя Валя приехала к нам в гости, когда мы ещё жили в Станции Насосной, и вышла замуж за сверхсрочника дядю Васю. Он мне сразу понравился. Может, потому, что был похож на негров, которых угнетали американские империалисты. Волосы у него были светлые, но курчавые, и в лице с толстыми губами проглядывало что-то негритянское. Главное же, дядя Вася исполнил мою мечту: самокат на подшипниках сделал он. Я вообще к неграм относился с уважением, мама рассказывала, как в их госпитале во время войны выступал Поль Робсон. Не побоялся, прилетел через океан, хотя фашистские лётчики могли запросто сбить самолёт, на котором он летел.

У мамы была ещё одна племянница, тётя Зоя. Она тоже приехала к нам в Станцию Насосную и тоже вышла замуж за сверхсрочника, которого звали Мишей. Дядя Миша был высокий, с усами и походил на азербайджанца. Он и разговаривать умел по-азербайджански. Мамины родственники в письмах подтрунивали над ней: сваха! Мама отшучивалась: «Станешь свахой, если в вашем Михайловске женихов не хватает! А у нас невест. Вот и пристаиваю племянниц, семьи создаю!»

— Дядя Вася, как вы думаете, колечко это

хороший подарок для девочки? – спросил я мужа тети Вали, когда все отдыхали после обеда, а дядя Вася вышел на крыльцо покурить.

– О, да ты парень, смотрю, не промах! – сказал дядя Вася, выдохнув папиросный дым. – А что за девочка? Она тебе нравится?

– Да.

– Очень?

– Да.

– Тогда конечно. Вместе учитеесь?

Мне не хотелось совсем уж открываться перед дядей Васей, и я пробормотал что-то неопределённое.

Рассказ из «Детства Никиты» не давал мне покоя. Но это был уже не Никитин сон, а происходило с Никитой на самом деле. Мама исполнила своё обещание, прочитала нам с Виталькой, что в праздничную зимнюю ночь Никита и Лиля находят в вазочке над часами.

Опять были комнаты старинного барского дома, луна за индевевшими окнами, у стены полосатые кресла, в углу – диван раскорякой. А вверху на часах стояла бронзовая вазочка с львиной мордой. У Никиты даже закружилась голова: это была комната из его сна. Он быстро подставил стул к часам, вскочил на него, поднялся на цыпочки и засунул пальцы в вазочку. На её дне нащупал что-то твёрдое и за-

жал в кулаке. В это время за шкафом кто-то фыркнул. Блеснули лиловые глаза, и выскочил кот Василий Васильевич, ловивший мышей в библиотеке.

Лиля бросилась бежать, за ней побежал Никита. Ему казалось, будто чья-то рука касалась его волос, так было страшно. Перегоняя их, по лунным квадратам неслышно пронёсся Василий Васильевич. В прихожей Никита разжал пальцы. На его ладони лежало тоненькое колечко с синим камешком. Как оно попало в вазочку над часами, было непонятно. «Это волшебное», – сказал Никита и надел колечко на Лилин палец. Девочка улыбнулась, глубоко вздохнула и, обхватив Никиту за шею, поцеловала.

Я тоже хотел, чтобы Света поцеловала меня, когда я подарю ей колечко. Я уже ругал себя за то, что найденную под турником мелочь опять закопал в песок. Если ходить каждый день на спортивную площадку, можно было бы насобирать ещё. В военторге кроме хлеба, папирос, вина «Три семерки» и продуктов, была ещё витрина с бижутерией – так мама называла бусы, брошки, цепочки, колечки, серьги и другие украшения. Я уже присмотрел колечко, которое Свете должно было понравиться. Но где взять деньги, чтобы купить?..

Я стал каждый день ходить на солдатскую спортивную площадку. Даже Витальку брал с собой, чтобы помогал. Я ему обещал мороженое и на самом деле покупал, если позволял наш «улов». Вот только случилось это нечасто. Но к витрине с колечками и брошками я подходил каждый раз, когда мама посылала за хлебом. Мой интерес к украшениям не понравился усатой продавщице.

– Там что, кино показывают? – Продавщица, кивнув на витрину, смотрела на меня подозрительно. – Всё равно через стекло не украдёшь.

– Я купить хочу, а не украсть. – Слова продавщицы оскорбили меня. Противная тётка!

– Давай деньги, э? И бери, что хочешь. Нет денег – уходи!

Я независимо сказал:

– Захочу – уйду, не захочу – не уйду.

Мне самому понравилось, как я ответил этой наглой продавщице.

ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Свету я увидел на следующий день после её возвращения из лагеря.

Но сначала увидел её брата Эдьку. Возле широкого крыльца нашей школы толпились ребята из разных классов. И все с интересом

смотрели на мальчишку, похожего на суворовца.

На нём была настоящая гимнастерка, ремень со светлой бляхой, брюки на выпуск, как у офицера. На голове фуражка, тоже похожая на офицерскую. Только вместо звёздочки какие-то скрещенные светлые веточки.

Я не сразу узнал Эдку, хотя не раз вместе играли в войнушку. Он за свою кольцевую, а я за свою Третью. То мы, бросаясь камнями, гоняли их из одного конца городка в другой, то они нас. Сейчас Эдка хотел зайти в школу, но ребята так плотно обступили его, что было не выбраться. Все с любопытством разглядывали Эдкину форму. Похоже, завидовали. Некоторые дёргали за гимнастёрку, за ремень со светлой бляхой, самые завистливые толкали Светиново брата.

– Вы что, как дикари. А ну брысь! – Из высоких дверей школы появилась товарищ Лиза. Растолкав пацанов, старшая пионервожатая заявила: – Теперь все ребята будут носить такую школьную форму. А у девочек будет своя форма. Эдик, откуда она у тебя?

– Папа из Москвы привёз. – Эдка перестал затравленно озираться. Поправил сбитую на бок фуражку. Как настоящий солдат согнал складки гимнастёрки под ремнём за спину.

– Скоро и в Баку начнут продавать. Ты на тетради записываться?

– Нет, мне Светка нужна. Её мама зовёт.

Как всегда в конце августа, в школе записывались на тетради к новому учебному году. Просто так купить тетради в магазинах было трудно – на всех школьников Баку не хватало.

– Женька, привет! – услышал я голос Светы, едва появившись в школьном вестибюле. – Я тебе очередь заняла! Иди скорее!..

В груди у меня екнуло. Когда я глазами отыскал Свету в толпе одноклассников, то даже растерялся. Сердце колотилось как сумасшедшее. Лицо у меня было, наверно, такое, что Света сказала:

– Тебе плохо? Или ты не рад, что я приехала? – И тихо добавила: – А я всю смену ждала, когда тебя увижу... Становись скорее, а то меня здесь совсем затолкали!

На тетради для остальных классов записывали старосты, а для нашего 3 «В» записывала сама Амалия Аркадьевна. Она сидела за столом у входа в вестибюль и укоризненно качала головой.

– Совсем распоясались за каникулы! Какие-то дикие, честное слово!.. – И, протянув вперёд ладонь, как всегда делала, когда кого-нибудь

укоряла, сказала: – Малик Мамедов, стань в очередь! И ты, Гена Родимцев, тоже! Толик Истрашкин, тебе особое приглашение требуется?.. Честное слово, я вас не узнаю! Зачем толпитесь, зачем толкаетесь, разве можно так относиться к девочкам?! Пропустите Свету Чеснокову! Вы мужчины или кто?..

– Спасибо, Амалия Аркадьевна, я записываться не буду. Лучше Женю Лукина запишите, я ему очередь заняла.

– Почему не будешь? – вскинула брови наша учительница.

– Папу переводят в другую часть. Мы переезжаем. Я в другой школе учиться буду.

– Жаль терять отличницу. – Амалия Аркадьевна цокнула языком. Такая у неё была привычка, когда она о чём-то сожалела или чему-нибудь удивлялась. – Очень жаль!..

Когда мы вышли на широкие ступеньки школы, я спросил:

– Это правда? Вы переезжаете?

– Да.

– И мы больше... – На этих словах я запнулся. – Больше никогда не увидимся?..

– Не знаю. Может, папу временно переводят. Помнишь, я рассказывала, как его перевели на Камчатку, а потом вернули в Ази Асланова.

Несколько шагов мы шли молча. Я никак не

мог свыкнуться с тем, что, может, вижу Свету последний раз.

– Вы когда переезжаете?

– На днях, мама уже вещи укладывает, – сказала Света. – Я ей помогаю, Эдку прислала за мной.

Вот и дождался я Свету... Было обидно и горько, она так спокойно говорит об отъезде. Может, никогда больше не увижу её, не понесу портфель... Я, наверно, заплакал бы, если бы Светы не было рядом. При ней плакать стыдно. Я ведь всё-таки мужчина.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

– Ты чего такой смурной? С барышней своей поспорил? – спросил дядя Вася, увидев меня.

– Рано ему ещё о барышнях думать, – встала тётя Валя, сдувая со лба растрепавшиеся волосы. – Вась, надави на крышку, а то чемодан не закрывается.

У нас, как говорила мама, настала неделя отъезда гостей. Дядя Миша с тётей Зоей уехали позавчера, отпуск у них заканчивался раньше. А дядя Вася должен был появиться в своей части завтра.

– Так в чём дело? Чего молчишь? – повто-

рил свой вопрос дядя Вася, справившись с чемоданом.

– Света уезжает. Её отца переводят служить в другой гарнизон. А я на колечко не успел... – Опять подступили слёзы, пришлось замолчать.

– Так вот как твою барышню зовут – Света... Хорошее имя, у товарища Сталина дочь тоже так зовут. – Дядя Вася серьёзно смотрел на меня. Отведя в сторону, тихо спросил: – Сколько тебе не хватает?

Я смутился, но сумму назвал.

– Не вопрос! Нашёл из-за чего расстраиваться. Пошли!

Из разговоров взрослых я знал, что из отпуска возвращаются без денег – уж слишком много расходов у отпускников. Откуда могут быть деньги у дяди Васи?.. Я удивлённо смотрел на него. И с надеждой.

– О чём вы там шепчетесь? И куда это собрались?

– У всякого уважающего себя мужика должна быть заначка, – всё так же вполголоса сказал дядя Вася, не отвечая жене. – Об этой заначке никто знать не должен. Понимаешь? Бывают моменты, когда заначка мужика выручает. А ты будущий мужик. Ну, двинулись?

– Я сейчас!..

Выскочив на веранду, я сунул руку в тай-

ное место за сундуком и достал баночку из-под монпансье. Торопливо открыл крышку. Мелочь, которую мы с Виталькой собрали на спортивной площадке, была на месте. Брат молодец, на мороженое украдкой не истратил.

Увидев меня с бравым рослым старшиной, усатая продавщица заулыбалась. С готовностью подошла к витрине с бижутерией и выдвинула её из-под стекла.

– Молодой джигит на это колечко смотрел, э? Берёте?

– Покажите молодому джигиту, пусть он вблизи посмотрит, в руках подержит. – Дядя Вася ухмылялся, его толстые губы расплылись. – А то ведь как бывает. Издали вещь кажется хорошей, а на самом деле – ерунда на постном масле! Правда, Женя?

– Конечно, – солидно подтвердил я. – Много ещё людей, которые стараются обмануть.

Продавщица бросила на меня злобный взгляд, но промолчала и подала колечко.

– Он никуда не убежит, это я вам гарантирую. – Дядя Вася даже расставил руки, показывая, как не даст мне убежать с колечком. – Сын уважаемого замполита полка, отличник учебы, на самокате лучше всех гоняет – разве он на такое способен? Да никогда, мамой клянусь!

Похоже, дядя Вася понял наши отношения

с продавщицей и подыгрывал мне. Даже мамой поклялся, как делают местные. Я не торопясь осмотрел колечко, примерил его на свой мизинец, полюбовался на красный камешек. У Светы пальцы тоньше моих, ей колечко подойдет на безымянный или указательный палец. А красный цвет камешка означает цвет любви, я где-то слышал это.

– Всё нормально, покупаю.

Я открыл баночку из-под леденцов и высыпал на прилавок монеты. Пока продавщица, щёлкая на счётах, определяла сумму мелочи, дядя Вася лукаво взглянул на меня и откуда-то, как настоящий фокусник, достал синюю пятирублевку. Это, видимо, и была его заначка.

Из воентогра мы возвращались довольные собой. Я на время даже забыл, что Света уезжает. Главное, сделал то, что сделал кучерявый мальчик Никита. Будет и у Светы колечко, не только у Лили!.. Сам того как следует не понимая, я подражал Никите.

ДВЕ ОДИНАКОВЫЕ ГОРОШИНЫ

Ещё было светло, когда к нам постучали. Открывать побежал Виталька, хотя входная дверь в дом была открыта. В нашей семье за-

крывались на ключ перед тем, как лечь спать. Но тот, кто стучался, этого не знал.

– Там какой-то суворовец тебя спрашивает, – почему-то испуганно сказал мне Виталька..

– Суворовец? Интересно. – Папа, прикрыв глаза и раздувая ноздри, с удовольствием вдыхал запах выпечки, идущий из духовки. – Мадамчик, насколько я понимаю, пирожки готовы? Это хорошо, будет чем гостя угостить. Евгений, приглашай суворовца!

Я догадывался, кого Виталька принял за суворовца. Так и оказалось. На крыльце стоял Эдька Чесноков. Он был в новой школьной форме, в которой я видел его возле школы. Наверно, не мог с ней расстаться, как я с галстуком, когда меня приняли в пионеры.

– Заходи. Мама как раз пирожки испекла, чаю с нами попьёшь. Вспомним, как ты меня тортом угощал... – Я подсмеивался над Эдькой, он заслужил. Тем более, что я старше, имею право.

– Меня Светка прислала. Завтра мы уезжаем.

Я знал, что когда-то это произойдёт, но не думал, что так скоро. Мы всего два раза виделись со Светой после лагеря. Хорошо, что были сумерки, и Эдик не видел моего лица.

– Подожди,.. – только и смог сказать я.

На кухне заманчиво пахло пирожками, но сейчас мне было не до них.

– А где суворовец? – удивился папа. – А то мы возьмём и все пирожки прикончим, ничего ему не оставим.

– Стесняется. – Я шмыгнул на веранду, выхватил из-за сундука баночку из-под монпансье, в которой теперь хранилось завёрнутое в чистый носовой платок колечко. Торопливо бросил, пробегая мимо кухни: – Я сейчас. – И выскочил на улицу.

Через несколько минут я уже был у Светино дома. Эдька сопел где-то сзади. Света ждала меня, а увидев, бросилась навстречу.

– Вот и всё, – сказала она, задыхаясь то ли от волнения, то ли потому, что у неё больное сердце. – Машина приедет рано утром, наверно, уже не увидимся.

– Почему не увидимся? – торопливо заговорил я, словно уговаривал не Свету, а себя. – Напишешь мне письмо, на конверте будет твой адрес, я смогу приехать. Только не забудь написать. Ты красивая, с тобой многие захотят дружить.

– У нас с тобой не дружба...

Света не договорила, но я знал, что она хотела сказать. То, что написала мелом на асфальте вечером того дня, когда нас приняли в

пионеры. Я тоже тогда стеснялся произнести это слово. Разве может быть любовь в девять лет?.. Над нами смеяться будут, если сказать кому-нибудь. Особенно взрослые. Они думают, что любовь может быть только у них.

Через много лет я прочту у одного большого писателя слова о том, что настоящая любовь встречается не так уж часто. А взаимная – вообще большая редкость. Это всё равно, что в телеге с горохом окажутся рядом две помеченные горошины. На всю телегу, на тысячи тысяч горошин, на десятки километров пути, когда горошины от тряски будут перемешиваться, – всего одна взаимная любовь. Один редчайший случай. И этот редчайший случай выпал нам со Светой.

Я ещё не знал, что всю жизнь буду помнить об этой худенькой девочке с карими глазами, и она будет помнить и искать меня. И найдёт, когда у неё уже будут внуки. И когда изменить ничего уже невозможно. Жизнь – не магнитофонная запись, которую можно прокручивать в одну и в другую стороны. К сожалению, а может, к счастью. Ведь никто не знает, чем стала бы любовь Ромео и Джульетты, останься они живы... Но не будем об этом. Не хочу.

– Что это у тебя в руке?

– Угадай.

– Ладно, скажи!

– Подарок тебе на память.

– Монпансье? – засмеялась Света, рассмотрев, что я держу в руке.

– Почти угадала. Пошли! – Я подвёл Свету к столбу с лампочкой вверху. Уже стемнело, а здесь был круг света. Я протянул Свете баночку. – Открой. Только осторожно, не вырони подарок... Разверни платочек. Примерь.

– Колечко! – ахнула Света. – Это мне?

Рубиновой искоркой вспыхнул камешек. Колечко было как раз на Светин безымянный палец. Я угадал с размером, наверно, потому что любил Свету и всё время помнил о ней.

– Вы думаете, это настоящий драгоценный камень? – спросил подошедший Эдька. Этот толстяк пыхтел как паровоз. Любовь к сладкому до добра не доводит. – Фигушки вам! Это цветное стекло!..

– Иди отсюда, балбес! А то маме скажу. Что за человек, всё испортит!

– Ладно, ладно, – пробурчал брат и вышел из освещённого круга. – Ябеда-корябеда. Чуть что – маме скажу... – передразнил он Свету. Но счёл за лучшее всё-таки убраться.

Света повернулась ко мне.

– Спасибо, Женя, ты молодец! А я не сообразила... Нет, подожди! – Она бросилась в

дом. Через минуту вернулась. – Мама всё уже упаковала. Так жалко!.. Не обидишься, если я тебе детские ножнички подарю? Они в моём портфеле были. И ещё карандаш, он с одной стороны красный, а с другой синий.

«Лучше бы ты меня поцеловала», – подумал я, но вслух сказать не решился.

Так, как у Никиты с Лилей, у нас не получилось. Может, мне нужно было набраться смелости и самому Свету поцеловать? И всё сложилось бы иначе?..

КОГДА Б ВЫ ЗНАЛИ, ИЗ КАКОГО СОРА...

Отступление Евгения Антоновича

Полностью строка из стихотворения Анны Ахматовой звучит так: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Конечно, в неполных десять лет я не знал о существовании этого стихотворения. Как не знал и о существовании самой Анны Андреевны, в ту пору ещё здравствующей.

Не говорю уж о том, что мне показалось бы странным утверждение, что стихи могут расти из сора. Я спросил бы: у Пушкина в «Родной речи» тоже? И у Исаковского? И у Михалкова? И у Барто? И у Маршака с его ленинградским почтальоном «с цифрой пять на медной бляш-

ке, в синей форменной фуражке»? И у других поэтов, чьи стихи из «Родной речи» нам задавала учить наизусть Амалия Аркадьевна... Я уж молчу о поэтах ранга Александра Твардовского, Леонида Пастернака, Александра Блока и многих других, которыми так богата наша литература.

Это отступление нужно мне для того, чтобы сказать, из какого «сора»росло моё, ставшее в итоге смыслом и целью жизни, как бы высокопарно это ни звучало.

Итак, солнечное утро середины сентября, наша усадьба «Зелёная». Заметно подросшие за летние месяцы три деревца тутовника и посаженные весной папой инжир, гранат и персик. Карабкается по деревянной решётке на черепичную крышу дома виноград. И неизвестно откуда взялся куст хлопчатника с выпирающим из коричневых коробочек ослепительно белым хлопком, так похожим на вату.

Но не это мне интересно. За лето я успел насмотреться. В том числе и на огромные мамины помидоры «Бычье сердце» на грядках за домом. Сначала мы с Виталькой едва не дрались за право поливать их. Потом маме пришлось заставлять нас, а мы отлынивали. Сейчас, не отрываясь, я наблюдаю, как исчезают

муравьи. Они выползают на зацементированную площадку крана для полива. Неподалёку сидит жаба, но исчезновение муравьёв я с ней не связываю. Земля за пределами цементного пятачка тёмная, влажная, там растёт сочная трава. Жабе в этом уголке нашей усадьбы «Зелёной» вольготно.

Я поражён, как необъяснимо, стремительно пропадают муравьи. Только что был – и нет его! Вылетающий язык жабы глазом не ухватить, да и находится она от муравьёв вроде бы в стороне. Но те один за другим исчезают. Лишь остаются влажные пятнышки на сером цементе вокруг крана.

Я зачарован и почти не помню, как папа с мамой и мы с Виталькой носили торф на песок вокруг нашего щитового дома то ли немецкого, то ли финского. Как небритый мацонщик дед Акрам привозил навоз на двухколёсной арбе, запряжённой смиренным осликом, казавшимся таким маленьким и несчастным рядом с высокой арбой. Как хоронили Черныша, дружившего с Барбароссом и потому не боявшегося других собак, которые в конце концов и разорвали его. Мы похоронили Черныша под одним из тутовых деревьев и думали, что он превратится в ветки и листья, которые будут видеть и слышать нас...

Я поглощён чудом исчезновения муравьёв. Это так удивительно, так поражает меня, ученика третьего «В», что заставляет написать об увиденном. Я начинаю присматриваться к жизни всякой мелкой живности, окружающей меня. Оказывается, столько вокруг странного и интересного, что одна за другой в моих недописанных тетрадках за второй класс появляются заметки о клещах, впившихся в уши Барбаросса и разбухших от выпитой крови до размеров фасолины коричневого цвета. Пишу о стремительных ласточках, слепивших гнездо на чердаке нашего дома и кормящих ненасытных птенцов. О голубях, умеющих кувыряться в воздухе, как акробаты в цирке. О хищных чайках, прилетавших с моря и нападавших на голубей и подросших цыплят. Писал о неизвестном существе, живущем в густом камыше болотца неподалёку от усадьбы хромого дяди Гриши. Это существо никто не видел, но многие слышали его глухой жалующийся голос... «Выпь?» – гадаю я теперь.

Таких заметок у меня набирается немало. Я переписываю их в чистую тетрадь и отправляю туда, где печатают книжки. И мучительно долго жду ответа, а лучше – готовую книжку, ведь она получилась отличная, не хуже, чем

«Детство Никиты». В школе на вопрос Амалии Аркадьевны, кто кем из ребят хочет стать, я отважно заявляю, что буду писателем.

Я сам ещё не знаю, на какую дорожку ступил. Через несколько месяцев, показавшихся мне вечностью, получаю конверт с серой четвертушкой бумаги внутри. Какой-то заведующий полиграфическим цехом обращается ко мне «Уважаемый Евгений Лукин» (первый раз в жизни «уважаемый»!). Он советует отправить мою тетрадку в редакцию журнала или газеты для детей и юношества. Возможно, им понравятся мои заметки о природе и её обитателях. Полиграфический же цех занимается печатью уже одобренных редакцией произведений для взрослых. Письмо на четвертушке серой бумаги заканчивалось пожеланием творческих успехов. Тоже ритуальным, ни к чему не обязывающим, как и обращение «уважаемый».

Конечно, я был расстроен тем, что начальник полиграфического цеха не выразил своего восторга по поводу моих произведений. Ведь они хорошие, они талантливые! Но моему самолюбию всё же льстило «уважаемый» и пожелание творческих успехов, как настоящему писателю. А ещё то, что всё-таки ответили на мои произведения, а не скомкали и не бросили тетрадь в корзину для мусора.

Может быть, доброжелательность и не оттолкнула меня от писательства, а сдержанно, но всё-таки поощрила продолжать сочинять. А главное, я понял разницу между полиграфическим цехом и редакцией. Между решающими и исполняющими чужое решение. Это дорогого стоило.

У Валентина Катаева в одной из поздних повестей есть упоминание о том, что подтолкнуло к писательству его. Цветная картинка в детской книжке, изображающая штурм крепости. Конечно, крепость и штурм красивее и благороднее, чем охота жабы на муравьёв или фасолины насосавшихся крови клещей. Но речь не об этом.

Из сора жизни растут не только стихи, но и писательские судьбы.

Счастливые и не очень. Порой трагические. Чаще почти никем не замеченные.

Растут из такого вот сора.

МОЛОДЁЖЬ ПРИВЕЗЛИ!..

Мама намазывала бутерброды и удивлённо посматривала на папу:

– Ты что сегодня так рано? Ты ведь после дежурства.

– Молодое пополнение прибывает.

– Что, некому, кроме тебя, встретить?

– Командир приказал. – Папа отхлебнул из своей большой кружки чай и усмехнулся. – А приказ командира, как известно, закон для подчинённого.

Мама помолчала и вздохнула:

– Господи, долго ещё офицеров будут держать в подвешенном состоянии? Жёны уже извелись все.

– Вопрос не ко мне. И даже не к командиру части... Кстати, не забудь послать маме денег, пусть с налогами рассчитается. Неизвестно, сможем ещё помогать или нет.

– Антоша, хоть ты не пугай меня! Кругом только и слышишь: сокращение, сокращение... Так, ребята, позавтракали? Одеваться и в школу! Чего уши развесили? У нас взрослые разговоры, вас не касаются!

«Как бы не так» – подумал я. Кому хочется, чтобы его отец стал свинарём, пусть даже знатным, как бывший офицер Чиж. И в деревне жить не хочется, где даже электричества нет. Об этом только и говорят в Ази Асланова. Не затыкать же уши.

Папа уже надевал шинель, когда я спросил:

– А нам можно посмотреть, как молодёжь будут встречать?

Я спрашивал папу, а ответила мама:

– И не вздумай! У тебя уроки, и Витальку с толку не сбивай. В первом классе сейчас самое главное, азбуку проходят! – И сердито посмотрела на меня.

Папа сочувствующе развёл руками – ничего не поделаешь, мама права.

На улице было пасмурно, хорошо хоть дождь не шёл. Вообще-то октябрь у нас дождливый, а ноябрь тем более. Каждая глинистая горка – как ток. Мы с братом эти горки старательно обходим, а то придём в школу грязные, как поросята. Другие ребята и девочки поступают так же. Но как ни осторожничай, а всё равно раз или два шмякнешься. У нас почти вся зима такая – дождливая и грязная. Хорошо, если в январе раз или два выпадет снег. Он, правда, даже до обеда не продержится, только грязи прибавит.

– Везут! – радостно вопит кто-то, когда мы с Виталькой уже подходим к школе. – Молодёжь везут! В «Студебеккерах»! Шесть штук!..

Отсюда уже видно, как по крутому подъёму к воротам части с красными звёздами поднимаются грузовые машины. В кузовах – гражданские парни. Они с любопытством осматриваются по сторонам.

– Точно! Молодёжь! Ура! – кричат пацаны. Особенно громко из рабочих посёлков. В шко-

лу никто из них и не думает заходить, хотя уборщица тётя Маня во всю трясёт звонком на крыльце. Я подталкиваю Витальку к крыльцу, а сам остаюсь с пацанами. Один из призывников возле кабины первого «Студебеккера» кажется мне знакомым. Неужели Саша Гудков из бабушкиного хутора?.. С его братом Андрюхой я подружился, когда мы ездили на папину родину. Нет, наверно, показалось.

Через ворота со звёздами меня не пропустят, это ясно. Как попадут на территорию сержантской школы ребята из рабочих посёлков, я не знаю. А как я сам – знаю. Потому что не раз пробирался в сквер с хлебными деревьями через лаз в заборе. А из сквера до плаца всего ничего.

Воображая себя разведчиком, я крадусь между облетевшими деревьями, потом между казармами к плацу. Он пока пуст. На нём не только учат строевому шагу, но и проводят всякие торжества. В том числе встречают призывников. Здесь с автоматами на груди через несколько недель они будут давать присягу на верность Родине, а офицеры говорить речи. Будут говорить и сегодня, папа тоже. Гордость распирает меня и в то же время боязно – я не хочу, чтобы папа меня заметил. Ведь я не послушался его и маму. За это не похвалят.

Так же, с оглядкой, я возвращаюсь в сквер. Но в школу не иду, мне это кажется малодушием. Решил – делай! Так всегда говорит папа. Надо ждать. Тем более, что мне хочется узнать, Андреева брата я заметил на «Студебеккере» или мне показалось? Ведь Сашу Гудкова я не видел два с лишним года, за это время он мог измениться.

Саша хороший человек и хороший художник, он рисует настоящими масляными красками. Особенно здорово у него получаются розы на стекле. С обратной стороны стекла они будто покрыты лаком. Классно! Я спросил у Андрея, почему Саша не рисует товарища Сталина или товарища Ленина. Вот были бы картины, не хуже, чем в Доме офицеров в Баку! Андрей сказал, что для этого требуется особое разрешение. Рисовать портреты вождей можно не всем, а только настоящим художникам

Грянул духовой оркестр. Это значит, призывников построили на плацу, а из штаба вышел командир части полковник Гринько. И я опять осторожно пробираюсь к ближней от плаца казарме. Из-за её угла плац как на ладони. Призывников построили в несколько шеренг, они всё ещё в гражданском и совсем не похожи на солдат. Пасмурно, и трубы ду-

хового оркестра не горят, как если было бы солнце. Оркестр уже не играет. Это потому, что говорит речь полковник Гринько. Даже отсюда видно, что он самый главный. Полковник подтянут, шинель сидит на нём как влитая, хромовые сапоги горят чёрным огнем. И офицеры рядом с командиром выглядят по-особому молодцевато. Говорит Гринько напористо, внушительно, хотя трудно разобрать слова. Это, наверно, потому, что я далеко стою.

Потом перед призывниками выступает папа – он замполит, ему полагается тоже. У меня радостно ёкает сердце, но папиных слов я тоже не слышу. Хотя догадываюсь, о чём он говорит – о том же, наверно, что и полковник говорил. О сложной международной обстановке, о чести стоять на страже Родины, о героических традициях Советской Армии, которые должны продолжить призывники. Правильно говорит! Похожие слова я почти каждый день слышу по радио. Я всего лишь в третьем классе, но согласен с каждым словом полковника и папы. У меня мурашки бегут по коже от волнения и гордости.

Наверно, я так увлёкся происходящим на плацу, что слишком высунулся из-за угла казармы. Это заметил кто-то из окружающих

командира офицеров. Он тронул папу за рукав и кивнул в сторону казармы. «Влип!» В небольшом нашем городке офицеры не только знают друг друга, но нередко знают даже их детей. Я быстро прячусь за угол. Успел папа заметить меня или не успел? Вот будет весело, если успел!..

Вскоре я уже стучу в дверь нашего класса.

– Ага, ещё один любитель призывников!.. Ну, заходи, заходи, дорогой, не стесняйся. Стесняться пропускать уроки надо было раньше. Быстро на стол дневник! – Амалия Аркадьевна хлопает ладонью по стопке дневников. – Садись на место.

Алик Адельшин, с которым я теперь сижу за одной партой, с ухмылкой говорит:

– За поведение и прилежание по единице в дневник ты заработал. И Амалия мать в школу вызовет.

– Чего радуешься? – Я смотрю на Адельшина исподлобья. В стопке дневников на учительском столе наверняка и его дневник. Приезд призывников Адельшин пропустить никак не мог.

– А нам, татарам, всё равно. Наступать – бежать, отступить – бежать. Понял?

– Ты меня на «понял» не бери, понял?

Адельшин был второгодник и пофигист, как

сказали бы сейчас. Он, как и многие такие ребята, жил в рабочем посёлке. Когда Амалия Аркадьевна вместо уехавшей Светы посадила со мной Адельшина, она, наверно, думала, что я повлияю на него. Адельшин станет и вести себя лучше, и учиться тоже.

Но получилось совсем наоборот. Я сам это чувствую. В дневнике у меня появились тройки, разговаривать я стал почти, как пацаны из рабочего посёлка. По-блатному растягиваю слова и грублю. Дома меня за это ругают. «Третий класс, переходный возраст», – говорит мама и озабоченно качает головой.

Однажды мы с Адельшиным подрались. Он сказал, что моя Света переписывается с Люсей Чистяковой. А я ни одного письма от Светы до сих пор не получил. Все в классе знали, что мы со Светой дружим. Можно было бы попросить у Чистяковой Светин адрес, но я решил не просить, не унижаться.

Тяжело далось мне это решение! Не хочет писать – не надо! Красивых девочек много. Хотя бы Валя Данилочкина. Она появилась в нашем классе только в этом учебном году. И я, кажется, ей нравлюсь. Она часто со своей парты поглядывает на меня. «Данилочкина, не вертись!» – делает ей замечание Амалия Аркадьевна.

СЕМЬ БЕД – ОДИН ОТВЕТ

Первым в солдатской бане я увидел сержанта с красной повязкой на рукаве. Рядом с ним высилась куча гражданских телогреек, пальто и курток. А ещё брюк, рубашек и нижнего белья, тоже брошенных как попало.

– Чэм парадуюшь, дарагой? – сказал сержант. – Я тебе знаю, ты сын замполита, правду гаварю? Каво ищешь? Гавари, памагу!

– Земляка ищу, его сегодня привезли. Призывник. Сашей зовут.

– Земляк, гавариш? Саша, гавариш? – Сержант открыл запотевшую дверь моечного зала и крикнул: – Саша, выходи, да! Земляк тебя ищет!

Из открытой двери повалил пар, стал слышен плеск воды, гулкие голоса, но видно ничего не было.

– Саша, тебя зэмэля ищет! Иди, да!..

Через минуту из пара вынырнул голый парень с тазиком, которым он прикрывал низ живота.

– Ну, я Саша. Кто меня ищет?

– Он? – спросил сержант меня.

Я помотал головой.

Потом появился другой Саша, тоже голый и с тазиком.

Я опять помотал головой.

– Гэнацвале, фамилия знаешь? – спросил сержант.

– Саша Гудков.

– Саша Гудков, на выход! Земляк совсем мокрый стоит, тэбя, панимаешь, ждёт!..

Я не ошибся. У кабины на первом «Студебеккере» был действительно Саша, Андрюхин старший брат. Он выглядел, как настоящий мужчина. Высокий, широкоплечий, на груди растут волосы. И всё же в нём можно было рассмотреть прежнего Сашу!

Торопиться мне было некуда. За то, что опоздал на уроки, а потом и вовсе сбежал с них, головомойка дома мне обеспечена. А так хоть узнаю, как там Андрюха поживает. Писать письма он не любит.

Я дождался, когда призывники помогут, а потом их переоденут в новенькую солдатскую форму. Голого Сашу с тазиком легче было узнать, чем в шинели, шапке и сапогах. Но поговорить нам по-настоящему не удалось. Переодетых призывников сразу построили и повели в казармы. Я пошёл за ними.

– Ты хоть в гости к нам приходи! – крикнул я вслед Саше. В казарму меня, конечно, не пустили. Не положено.

– Придёт, если увольнительную дадут, – ска-

зал дневальный у входа в казарму. – Но это, когда присягу примет. И если служить будет нормально.

Домой я шёл один, без Витальки – уроки в младшем звене уже закончились. О том, что ждёт меня дома, думать не хотелось. Лучше вспоминать о приятном. Например, как наша семья ездила на папину родину в Краснодарский край. Это был настоящий праздник. Каким зелёным после Ази Асланова казался мне бабушкин хутор! Вербы вдоль ручья, который где-то далеко впадал в ручей побольше, а тот ещё дальше в большую реку Кубань. В первом ручье я научился ловить рыбу руками, Андрюха научил. Вверху в вербах пели птицы, особенно мне нравился голос иволги. Будто на флейте играла. А в нашем Ази Асланова птиц, которые поют, вообще не было. Не считать же воробьёв певчими птицами и чаек с их противным криком!..

Потом я представил летнюю печку, сложенную прямо во дворе под навесом. На ней бабушка варила борщ с фасолью, сахарной свёклой и молодой картошкой. Такого вкусного борща не умела варить даже мама. А посреди большого бабушкиного огорода росли две огромные груши. В их дуплах жили шмели. К грушам было лучше не подходить,

Андрюха предупреждал. Но я однажды подошёл, и шмели меня здорово искусили. Наверно, решили, что я хочу добраться до их мёда в дупле...

Нет, лучше буду думать о прабабушке. Она самая старая на хуторе. У неё почти нет зубов, и она говорит так, что трудно разобрать. Прабабушка очень любит рыбу, но не всякую, а вьюнов. Наверно, потому, что в этих вертких рыбках не было костей, а только хребты. «Спасибти, хлопци, – говорила прабабушка, когда мы приносили вьюнов. – Дай вам бог здоровья».

Вспомнил я и козу. Её, норовистую, пас я – Виталька не мог с ней справиться. Но козьё молоко мы пили с удовольствием. Оно нам нравилось даже больше, чем мацони деда Акрама. «Пыйтэ, хлопци, пыйтэ! – приговаривала бабушка, подоив вечером козу. – Здорови будэтэ, як волы!» Мы не сразу научились понимать здешний говор – наполовину русский, наполовину украинский. На Кубани все так говорят...

– Пришёл, голубчик? – поинтересовался папа, он уже был дома. И одет был по-домашнему, в пижамные брюки и синюю майку, плотно облегающую живот. – Не слышу ответа, господин коммерсант.

В нашей семье наказывали так: ставили но-

сом в угол. Ещё от мамы порой доставались подзатыльники. Но ремнём никогда не били.

Я молча снял пальто и встал в угол.

– Похвально, – констатировал папа. – Свою вину, вижу, осознал. Мне на службу звонила ваша Амалия Аркадьевна. Как ты думаешь, приятно мне было слышать о твоём поведении?

Я ещё ниже опустил голову.

– Мне пришлось зайти к ней после уроков и как-то смягчить ситуацию.

– Что ты с ним цацкаешься! Распустил!.. – стала шуметь мама. – Взял бы ремень и отодрал, как сидорову козу! А он дипломатию разводит!..

– Попрошу вас не скандалить, мадамчик. Это не интеллигентно и не украшает советскую женщину.

– Ну что за человек! Всё на шуточки сводит! Вот увидишь, вырастит бандитом!..

– Не будем сгущать краски, Клавдия Ивановна. По-моему, Евгений осознал свою вину и больше подобное не повторится. Сын, я правильно понимаю, что ты сделал выводы?

Я молча кивнул. Кажется, гроза прошла мимо.

– Вот видишь, он всё понял без ремня.

– Надолго ли... – И мама тут же добавила, хотя и сердито: – Немедленно мыть руки и за

стол! Целый день не ел. Одно расстройство из-за него!..

Я немедленно выполнил всё, что было велено. И даже то, что велено не было – умылся. Сегодня ужинали пельменями. Начинка, похоже, была из баранины. И потому, наверно, я вспомнил о медвянском ковбое, пасшем овец. О Саше Гудкове, которого сегодня видел.

Отара у Саши была большая. Овцы могли разбежаться или залезть в засеянные поля, поэтому Саше полагалась лошадь. Его на хуторе в шутку прозвали медвянским ковбоем. Мы с Андрюхой просили Сашу дать покататься на его лошади, но он только смеялся. Вместо этого стал учить ездить на овцах, приговаривая, что сначала надо научиться на них. Он ловил овец покрупнее, наказывал держаться крепко за шерсть и отпускал их. Ошалевшие овцы мчалась куда глаза глядят, перепрыгивали через вымоины и рытвины. «Держись!» – кричал Саша вслед, но удержаться на лохматом «скакуне» было непросто. Особенно когда овцы перепрыгивали через вымоины.

Мы с Андрюхой шлёпались на их никогда не просыхающее дно. Хорошо ещё, ничего себе не сломали. Председатель колхоза узнал об этих скачках и перевёл Гудкова на другую работу. Но Саша особенно не переживал. Он посту-

пил в художественное училище в райцентре. а когда окончил его, стал работать в клубе. Но «медвянский ковбой» к Саше прилипло крепко. «А почему не казак?.. – думаю я в полусне. – В хуторе кубанские казаки жили...»

– Да он, кажется, спит, – сквозь дрёму слышу я папин голос.

– Не удивительно. Столько впечатлений, да ещё отругали... Тут и с ложкой во рту заснёшь, каким голодным бы ни был. – Это голос мамы. Она обнимает меня, и я чувствую на своей щеке её губы.

– Первенец, понятно, – как-то по-особому, непривычным голосом замечает папа. – Первенцев матери больше любят... Клава, ты что? Зачем сырость разводить? Вот он, рядом с тобой, твой Женька. Поднимай и веди спать. А то ещё лицом в тарелку упадёт.

– Всё, больше не буду, – говорит мама и глубоко вздыхает. – Жень, спишь? Вставай, сынок, ложись по-настоящему. – И опять целует меня.

Мне хочется ответить, сказать, что я её тоже люблю, но не могу. Глаза не открываются, язык не слушается.

– А чего вы его ругали, если любите?– подаёт голос мой мудрый брат Виталька, весь вечер молчавший. – А меня, выходит, никто не любит? Да?..

– Что ты, Виталенька, милый мой! Мы тебя любим! Ещё как любим!..

Я с трудом открываю глаза. Мама одной рукой обнимает Витальку, другой меня. И слёзы текут по её щекам, хотя она обещала больше не плакать.

– Сашу Гудкова видел, – бормочу я. – Папин земляк...

– Папа ещё раньше его увидел, – говорит мама, вытирая глаза. – В списках призывников... Ну, ребята, спать, спать. Завтра, Женя, расскажешь...

Так неожиданно заканчивается вечер, которого я трусил. Папа и мама у меня что надо! Я очень люблю их. И Витальку тоже. Ведь мы самые родные на свете люди.

КТО НА САМОЛЁТЕ, КТО НА ЧЕРЕПАХЕ...

Эту игру придумала товарищ Лиза. Каждый раз, когда в актовом зале вывешивался плакат успеваемости, возле него толпилась чуть ли не вся школа. Одни ребята стояли хмурые, другие радовались.

Хмурыми были те, в классных журналах которых за неделю оказывалось больше всего двоек. Их рисовали едущими на черепахах сзади всей длинной вереницы. Чуть впереди черепах

были классы, оседлавшие жуков, тоже не чемпионов по скорости. Перед жуками были жабы, которым до самых быстрых земноводных было тоже далеко.

А впереди всех летел на реактивном самолёте класс, получивший за неделю меньше всех плохих оценок. На крыльях реактивного самолёта были большие красные звёзды. Почетным считалось и второе место, его присуждали классу, немного уступившего чемпиону. Третьим местом в этой веренице успевающих тоже можно было гордиться. Дальше шли остальные классы, которые хотя и уступали тройке передовиков, но заметно опережали остальных. Наш 3 «В» был где-то в середине. Мы ехали на трёхколёсном детском велосипеде. Это, конечно, не черепаха, но и до самолёта нашему классу было далеко.

– Любуешься? – насмешливо спросили меня за спиной. Конечно, это была Амалия Аркадьевна, её голос ни с каким другим не спутаешь. – Я надеялась, ты наконец-то станешь отличником, а ты съехал на тройки. Поздравляю!.. В том, что мы пересели на детский велосипед, ты классу здорово помог. – Голос нашей учительницы стал ещё насмешливей. – Особенно тем, что сбежал с уроков. К фокусам Адельшина нам не при-

выкать, но ты-то!.. У тебя такой папа – деликатный, обходительный, вежливый. Вот с кого надо брать пример, а ты...

Да, папа такой: и деликатный, и обходительный, и вежливый. Но ещё он немного походил на армянина – этим, наверно, особенно и понравился Амалии Аркадьевне. Это сейчас я догадываюсь, что наша учительница была армянкой. А тогда она была просто Амалией Аркадьевной.

Впрочем, кто какой национальности в нашей школе не имело значения. Были и русские, и азербайджанцы, и украинцы, и татары, и евреи, ребята и девочки других национальностей. А уж учителя национальности просто не имели.

Хуже всего, когда стыдят при всех. На плакат успеваемости уже почти никто не смотрел. Смотрели на нас с Амалией Аркадьевной. Кто-то с ухмылкой, кто-то с сочувствием.

– А нечистым трубочистам стыд и срам, – вдруг ляпнул я. – Стыд и срам!..

Слишком много неприятностей свалилось на меня в последнее время. Света пишет Люсе Чистяковой, а мне – нет. Мать девчаника Ляликова пожаловалась на меня и маму в совет офицерских жен. На днях я ещё подрался с Адельшиным... Сейчас бы это назвали

нервным срывом. А тогда все стали смеяться над строчками из «Мой додыра»: и те, кто сочувствовал, и те, кто ухмылялся.

– Амалия Аркадьевна, мне поговорить с вами надо. – К нам пробиралась Люся Чистякова. – Ребята, ну что вы как стена, честное слово! Пропустите!

Люсю недавно избрали председателем совета отряда, а меня звеньевым первого звена. К годовщине Октябрьской революции отличников и хорошистов приняли в пионеры, теперь в нашем 3 «В» был свой пионерский отряд. Ни к кому присоединяться больше не надо, как было весной, когда искали клад капитана Флинта.

– Амалия Аркадьевна, сбежал с уроков не только Женя, – сказала Люся.

– Будто я не знаю. – Учительница поцокала языком. – Весь мой стол был завален дневниками нарушителей дисциплины.

Люсю это не смутило, председатель совета отряда чувствовала себя уверенно. Всё-таки северянка, характер.

– Многим хотелось посмотреть на призывников. Даже девочкам. Я говорила с товарищ Лизой, она предлагает вызвать на совет дружины всех сбежавших.

Люсины щеки покраснелись, лицо у неё бе-

лое и красные щёки особенно бросались в глаза. Белой у неё была и тугая коса. «Блонда», – говорил Адельшин, что на языке поселковых означало «блондинка».

– Тогда половину школы вам придётся вызывать... – сказала Амалия Аркадьевна.

– Справимся. Комсомольская организация поможет. – Люся, не тушуясь, смотрела в глаза нашей учительнице.

– Ну что ж, удачи!.. Дисциплину надо подтягивать, на педсовете тоже об этом говорили.

После уроков нам с Люсей домой по пути. Раньше по пути было и Свете, сейчас её с нами нет. Мне хочется спросить Люсю, правда ли, что Света ей пишет. Но я собираю всё своё самолюбие и не спрашиваю.

Идёт декабрь, скоро Новый год. Ночью выпал и успел растаять снег. С черепичных крыш свисают копыя сосулек. Они «плачут», потому что знают – растают ещё сегодня.

– Мороженого хочешь? – спрашиваю я и киваю на ближний дом в бахrome сосулек.

– Можно, – соглашается Люся.

Она, как и я, знает, что есть снег или облизывать сосульки нельзя – будет ангина. Амалия Аркадьевна класс не раз об этом предупреждала. Но я хочу отвлечься от мыслей о Свете, а чего хочет Люся? О чём не хочет думать она?..

Я скатал снежок и бросил наугад в свисающие сосульки. Люся, опустив в тающий снег портфель, сделала то же самое. Из дома стучат по оконному стеклу и грозят нам пальцем. Мы хватаем по самой большой из упавших сосуллек и убегаем. Увидела бы Амалия Аркадьевна наши подвиги! Ведь могли промахнуться и разбить окно!

Но нам повезло, не разбили. Вскоре мы уже лижем сосульки и стараемся побыстрее уйти от дома, в который бросались снежками. Я почти забываю о том, что хотел узнать о Свете. Правда ли, что она пишет Люсе? Адельшин такой, и соврать мог.

СТАРШИЙ МИЧМАН ПЕТРАКОВ

Вечером я стучусь в двери Люсиного дома. Меня пригласили на фильм «Верные друзья» по телевизору. Это второй в нашем посёлке телевизор после телевизора Валеры Самченко. Он тоже с линзой, наполненной водой. Его недавно купил Люсин дядя, старший мичман. Это младший лейтенант, только морской. Он служит на одном из кораблей, которые видны из нашего Ази Асланова.

Раньше Люсин дядя служил на Белом море, а там принято, чтобы старший родственник

забирал к себе оставшихся без отца племянницу или племянника. Люсин отец был рыбаком на сейнере, его смыло волной во время шторма. Матери с большой семьёй было трудно, дядя Пётр и забрал к себе Люсю.

– Ты про этого парня говорила? – спрашивает, добродушно улыбаясь, дядя Пётр. Тельняшка – первое, что бросается в глаза. И только потом замечаешь, что Петраков коренастый, широкоплечий и такой же белолицый, как его племянница. Даже странно, что в Азербайджане они остаются белокожими не только зимой, но и летом. Ни чуточки не загорают.

– Да, это Женя, он командир звена в нашем отряде. Света потеряла его адрес и не может написать ему.

– Света – это с которой он дружил? Ты про него говорила?.. Так напиши её адрес, ты же его знаешь!

– Я написала, а письмо вернулось. На конверте штамп: адресат из Сумгаита выбыл.

«Вот те раз!» – говорю я про себя маминой присказкой. Мне досадно. Света могла бы написать Люсе раньше, и я бы ответил ей до того, как она из Сумгаита уехала. И разве Света не знает моего адреса? Третья кольцевая, дом номер 6. Странно!

Возле телевизора собрались взрослые и ре-

бята. Взрослые сидят на стульях и табуретках, принесённых от соседей. Ребята – на полу. «Верные друзья», хороший фильм, нравится всем. Но я не могу сосредоточиться – всё ломаю голову, почему мне Света сразу не написала? Может, не адрес потеряла, а в Сумгаите в кого-то влюбилась? И забыла меня, выбросила из головы? Колечко с красным камешком выбросила тоже?..

Верить мне в это не хочется. Я и не верю. Потому что люблю её, а она меня. Но всё равно надо побывать в Сумгаите и разузнать точно. Может, почта ошиблась, никуда Чесноковы не уехали?..

Перед «Верными друзьями» сначала показывают последние известия на азербайджанском и на русском языках. Люсин дядя сидит на стуле за моей спиной и вполголоса рассказывает о городе Сумгаите. Там работает завод по переработке нефти и строятся ещё несколько таких заводов. Скоро Сумгаит станет вторым после Баку городом республики. Дядя Пётр не раз бывал там, его корабль шефствует над стройкой. Нагнувшись ближе, едва слышно шепчет, что это, в общем-то, военный объект. Распространяться об этом не стоит. Болтун находка для шпиона.

Я тоже шёпотом спрашиваю, почему Све-

тинового отца, офицера, перевели на строительство нефтяного завода?

– А твоя подружка разве не говорила, что её отец военный строитель? Он и посёлок Ази Асланова строил. В смысле, был главным. Завод, конечно, другое дело, поэтому моряки и помогают Чеснокову и его подчинённым. Морякам не привыкать иметь дело с металлом.

– А нам можно поехать в Сумгаит? – с надеждой спрашиваю я. – Вот и узнали бы, куда перевели Чеснокова.

– Тихо!.. – шикнула на нас Люся. – Мешаете фильм смотреть!

– Суrowая у меня племяшка, верно? – хмыкает мичман. – Впрочем, у нас на Беломорье все такие. В обиду себя не дадут. Ваш отряд, наверно, в ежовых рукавицах держит?..

После кино он пообещал помочь нам с Люсей узнать, где живёт теперь Света. Подмигнул и сказал таинственное: «По своим каналам».

ЁЛОЧНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

На следующий день мама меня в школу не отпустила. У меня поднялась температура, болело горло. Как позже я узнал, Люси в школе тоже не было. Как и я, болела ангиной.

– Понятно, оба лакомились сосульками! –

выговаривала нам при всём классе Амалия Аркадьевна, когда узнала причину нашей болезни. – Как первоклассники, честное слово! Вы пионеры, пример должны подавать, а вы... Обоим по четвёрке по поведению поставлю в табели. Нечего сказать, хороший подарок родителям к Новому году!

До первого января 1956 года оставалось несколько дней. В школе во всю шла подготовка к празднику. В актовом зале поставили ёлку, а когда стали наряжать, оказалось, что не хватает игрушек. Серебристой канители мало, бумажные гирлянды с прошлогодней ёлки порвались. А раскрашенных стеклянных шаров, других новогодних игрушек с той ёлки почти сохранилось. Они были красивые, но хрупкие, легко бились.

– Жиденькая ёлка получилась, – пренебрежительно хмыкал Витька Неклюдов. Он каждую перемену слонялся возле двери в актовый зал и заглядывал в замочную скважину. – Скажи, Жека?

– Вот и принесли бы из дома у кого что есть для ёлки, – проходя мимо, бросила товарищ Лиза. Последнее время у неё было плохое настроение. Девчонки в классе шептались: старшина Мирутенко демобилизовался, уехал, а её

с собой не позвал. – Потом забрали бы свои ёлочные украшения, – продолжала товарищ Лиза. – Я их не съем. Критиковать, как Неклюдов, все умеют. Нет, что бы помочь...

– А свои украшения сделать можно? В смысле, самим? – спросил я.

– Почему бы и нет? Если получатся красивые, обязательно повесим на ёлку.

Дома у нас не принято было встречать Новый год с ёлкой. Может, потому, что в Баку ёлки стоили очень дорого, их привозили откуда-то с гор. Понятно, и ёлочных игрушек у нас не было. Я стал искать старые детские книжки с рисунками. Когда нашёл на веранде книжку про Машу и медведя, вырезал ножницами медведя, который нёс в коробе с пирогами хитрую Машу. Сделал вверху дырочку и протянул сквозь неё нитку, чтобы было за что повесить на ёлку. Нашёл ещё Колобка, того самого, который обманул всех, кто хотел его съесть. Тоже вырезал и продел Колобку вверху нитку.

Больше ничего подходящего у нас не оказалось. Не станешь же Бабой Ягой новогоднюю ёлку украшать!.. Или Соловьём-разбойником. Плохо было и то, что вырезанные из книжек рисунки никак не хотели оставаться гладкими, а корбились и закручивались.

– М-да, – сказал папа, когда вечером вернулся со службы. Мое рукоделие, похоже, ему тоже не понравилось.

И тут меня осенило:

– Пап, а ты знаешь, что Саша Гудков работал в медвянском клубе художником? Он сначала овец пас, а потом в городе художественное училище окончил, стал в клубе работать.

– И что?

– Ёлки помогал наряжать, игрушки делал, гирлянды всякие, фонарики. А у нас в школе всего этого как раз не хватает.

– Ваш тонкий намёк, гражданин коммерсант, мне понятен. – Папа усмехнулся. – Завтра попробую поговорить с командиром. Старшина Мирутенко отслужил, уехал на свою Полтавщину, а шеф вашей школе нужен, это уже традицией стало. Почему бы и не Гудков? Парень он толковый, дисциплинированный, грамотный – справится!..

Папа выполнил обещание. На следующее утро ещё до начала уроков дверь в пионерскую комнату была распахнута и слышались голоса. Голос товарищ Лизы я узнал, как только зашёл в школу. А кому принадлежал второй, узнал не сразу. Понял, когда заглянул в пионерскую комнату. Старшая пионервожатая и Саша

Гудков составляли какой-то список. Саша выглядел если и не бывалым солдатом, то и не стриженным под машинку «салагой», каким я его не так давно видел.

Не очень уверенно я достал из портфеля и показал Машу и Колобка. Гудков по моему лицу всё понял.

– А что, нормально, – подбодрил он. – Лиза, запишите ещё картон. Наклеим на него Машу с медведем и Колобка, они и разглядятся. Картон с ними вырежем. Ну, ещё кое-где подкрасу, чтобы ярче смотрелись. Как живые станут. Молодец, Женька!

Хороший он всё-таки человек, Саша Гудков. Только почему-то к нам не заходит в гости, хотя уже можно, присягу принял, в увольнение отпустят. Замполита папу стесняется? Так ведь они земляки, чего стесняться. Или субординацию соблюдает, есть у военных такое понятие, я недавно узнал.

Забегая наперёд, скажу, наши Колобок и Маша смотрелись на ёлке что надо! Говорю «наши», потому что без Сашиной помощи они такими не стали бы. Молодец курсант Гудков! И я, конечно, тоже.

ЁЛКА И ХОР ВТОРОГОДНИКОВ

Адельшин есть Адельшин. Но всё же никто не думал, что со своими корешами он испортит нам новогодний праздник.

Когда товарищ Лиза, таинственно улыбаясь, открыла дверь в актовЫй зал, у ребят загорелись глаза. Возможно, от восторга. Или так в них отразился свет гирлянд на ёлке. В гирляндах и в запахе хвои было что-то волшебное, радостное. Все классы с первого по четвёртый словно в сказку попали.

Электрические гирлянды украшали ёлку первый раз за все три года моей учёбы в школе. Раньше боялись пожара, сейчас почему-то перестали. Машу и Колобка я нашёл на ёлке сразу. И ещё раз подумал, что Саша Гудков молодец!

– Нравится ёлка? – Товарищ Лиза чувствовала себя именинницей. – Ну-ка, Дедушка Мороз, покажись!.. Ребята, хором! Де-душ-ка Мо-роз! Де-душ-ка Мо-роз!

«Прямо как в детском саду», - подумал я. Не хватало только вопроса: «Ты подарки нам принёс?» Все, кроме первоклашек, знали: подарки будут, но не всем, а тем, кто лучше всех расскажет стихотворение, споёт песню или станцует.

Я об этом и сказал Витальке, который держался возле меня, выполняя мамин наказ. Брат зашептал:

– Наш папа дома тоже конкурсы проводит...

– Так то дома, а здесь школа. Ты будешь участвовать?

Виталька застеснялся и промолчал.

Дед Мороз появился из-за ёлки. Я его узнал сразу, это был сверхсрочник Сверчков, который крутит фильмы в клубе сержантской школы. Если попросить, он пускал нас смотреть трофейные картины, которые на самом деле были американские, как я позже узнал.

Сверчков сейчас был в тулупе и сапогах – валенок, наверно, не нашлось. За спиной у Сверчкова мешок. Щёки у Деда Мороза были наруганы, борода из ваты белая, как снег. Но усы свои, настоящие, рыжие.

– Кто меня звал, кто мой сон потревожил? – простуженным голосом заговорил Сверчков. – С самого Северного полюса гнал к вам своих оленей. Даже простыл немного, кхе-кхе. Через сто рек проскочил, сто озер птицей перелетел. Притомился, однако! Вон и внучка моя Снегурочка притомилась, едва на ногах держится. Чем вы нас, ребята, порадуете, чем душу развеселите, чем сил прибавите? Ну-ка, кто смелый, выходи!

*– К нам на ёлку – ой-ой-ой!
Дед Мороз пришёл живой.
Ну и дедушка Мороз!
Что за щёки, что за нос!..*

Это звонким голосом стала декламировать стихи какая-то девочка с белым бантом на макушке. Она первой подошла к ёлке. Сверчков потрогал себя за нос, будто проверял, не отморозил ли в дороге. Все засмеялись. Девочка с белым бантом оказалась самой смелой. Она только разошлась, готова была и дальше читать стихи про Деда Мороза, но её остановила товарищ Лиза:

– Соня, ты молодец и умница, но пусть и Снегурочка что-нибудь скажет. По глазам вижу, ей это очень хочется. Да, Снегурочка?

– Ребята, мы так спешили, так оленей торопили, чтобы к вам успеть до Нового года, – подхватила Снегурочка. – Покажите, как вы рады нам, расскажите, какими оценками в школе встречаете. Песню про Новый год спойте, стихотворение расскажите. А может, кто-то станцевать хочет? И это можно. У кого лучше получится – тому приз от дедушки Мороза. Видите, какой большой мешок у него, а в мешке подарков видимо-невидимо!.. Ну, кто смелый ещё, кроме Сони?

Виталька зашептал:

– Никакая она не Снегурочка. Это наша учительница Тамара Сергеевна, только сегодня очень красивая. Не веришь?

– Почему не верю? Конечно, верю, – ответил я солидно, как и полагается старшему брату, но тоже шёпотом. – Только об этом никому ни слова, а то пропадёт всё волшебство.

– Почему?

– Потому, что это сказка.

Виталька изумился:

– Новый год – сказка?..

– Конечно. Ваша учительница играет в этой сказке роль Снегурочки.

Всё-таки простоват мой брат. Ошибся папа, бухгалтеру таким быть не полагается. Я в его возрасте был сообразительней. Или мне так кажется?..

– Смелее, смелее, мальчики и девочки! – опять заговорила товарищ Лиза. – Вадик Каратаев, по глазам вижу, ты хочешь рассказать стихотворение про ёлочку, которая в лесу родилась и в лесу она росла. Порадуй дедушку Мороза и Снегурочку. Расскажи им и, конечно, ребятам тоже!

Вадик Каратаев бойко подошёл к Деду Морозу. Судя по росту, он учился в первом классе, как и наш Виталька.

– В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была...

– Вадик, ты ведь не только Деду Морозу и Снегурочке рассказываешь, но и ребятам тоже. – Товарищ Лиза взяла Вадика Каратаева за плечи и повернула лицом к залу. – Продолжай, пожалуйста.

Первоклассник отбарабанил стихотворение до конца и стал смотреть на мешок Деда Мороза.

– Молодец, Вадик! – сказал Дед Мороз. – Смелость города берёт! – И достал из мешка конструктор. – Поздравляю с Новым годом!

– И я мог бы про ёлочку рассказать. Даже спеть, – тихо сказал Виталька, он был расстроен. – Мы с мамой её к Новому году готовили...

– Слышал, что Дед Мороз сказал? Смелость города берёт. А теперь всё, поезд ушёл. – Ничего другого я сказать брату, к сожалению, не мог.

После щедрого подарка (а его получила и самая смелая Соня, только не конструктор, а куклу) желающих выступить оказалось столько, что всех и не перечислить.

Несколько девочек хором спели: «Птица

крыльями машет, за собой нас зовёт. Пионеры, друзья и товарищи наши, собираются в дальний поход...» Эту песню мы пели в лагере в Мардакянах, её все отряды знали.

Четвероклассница, наверно, азербайджанка, исполнила «Джип-джип джипдзялярим» (Цып-цып мои цыплята). Песня всем нравилась, но мало кто знал, о чём она. Каждый год нам обещают ввести уроки азербайджанского языка, но почему-то не вводят.

Один парень класса тоже, наверно, из четвертого исполнил матросский танец, да так, что ему долго хлопали. На время даже позабыли о мешке Деда Мороза, который заметно похудел.

Наверно, поэтому почти никто не обратил внимания, как Адельшин подошёл к товарищ Лизе и стал её о чём-то просить. Лицо старшей пионервожатой стало строгим, она сначала молчала, потом погрозила Адельшину пальцем. Смотри мне!..

– Ребята, внимание! У меня такой вопрос, – громко заговорила товарищ Лиза. – После зимы что наступает?

– Весна!

– А потом?

– Лето!

– Правильно. А лето это солнце, море, пляж с

чистым песочком... Алик Адельшин и его друзья хотят исполнить песню о лете. А то у нас всё о зиме да о зиме... Дедушка Мороз, вижу, не против. Он даже подыграет ребятам на баяне. Алик, выводи свой коллектив. Ребята не очень хорошо учатся, некоторые оставались на второй год. Но поют, надеюсь, хорошо. Да, Алик?

– Базара нет, – с достоинством ответил Адельшин.

– Что-что? – не поняла товарищ Лиза. – Какой ещё базар? Ты мне обещал песню про лето!

– Про лето и споём. Пацаны, поплотнее станьте, а то как зубы у бабы Нюры.

Второгодники были головной болью нашей школы. Если бы учителя не натягивали им тройки, они сидели бы в каждом классе не по два, а по три года. В основном это были хулиганистые ребята из рабочих посёлков. Именно такие разбили мне нос и отнимали Светин портфель, когда я провожал её после уроков.

– Ну что, пацаны, поехали? – И Адельшин, как настоящий дирижер, взмахнул рукой. Разве что дирижёрской палочки в руке у него не было.

*Пошла я раз купаться,
За мной следит бандит.*

*Я стала раздеваться,
А он мне говорит:
«Какие у вас ляжки,
Какие буфера.
Нельзя ли вас потискать
Часочка полтора».
Какой хороший мальчик,
Ну как ему не дать.
Легла я на песочек,
А он меня ласкать...*

Дед Мороз, который насторожился уже при первых словах песенки, вдруг рявкнул:

– Прекратить немедленно! – Да так рявкнул, что отклеилась и упала на пол его борода. – Хулиганье! Здесь дети, чему эти оболтусы их учат?!. В исправительной колонии таким место, а не в нормальной школе!.. – Дед Мороз быстро огляделся по сторонам. – Где дежурные старшеклассники? Выведите это хулиганье из зала! Лиза, звони дежурному по гарнизону, место на гауптвахте им найдётся. Обнаглели, понимаешь! По стопам старших братьев пошли, те из зоны не вылезают! И этим там место!..

Дед Мороз в сердцах чуть не швырнул баян на пол.

– Во дали! – рядом с нами как-то незаметно

оказались Витька и Шурка Неклюдовы. – Жека, попроси Адельшина, чтобы написал слова. Ты же с ним за одной партой сидишь.

– Сам проси, если надо.

Буду я просить человека, который Новогодний праздник нам испортил! Песня хулиганская. Дураку ясно, какие слова второгодники заменили... Я паинькой не был, слышал песни и покруче. Но ведь сегодня праздник, Ёлка, Новый год, радость, горят разноцветные гирлянды – нельзя!..

Когда появился наряд по гарнизону, Адельшина с его хором второгодников и след простыл. Даже от дежурных старшеклассников сумели улизнуть.

Как ни старались потом товарищ Лиза с Дедом Морозом и Снегурочкой сделать всё, как было до Адельшина с его друзьями, ничего у них не получалось. Ни петь, ни стихи рассказывать никто больше не хотел. Тем более, что мешок с подарками был уже совсем пустой.

ОСЕЧКА

В Сумгаит нам удалось поехать только во время зимних каникул. И если бы не Люсин дядя Пётр, вообще не удалось бы. Меня даже в центр

Баку мама отпускала неохотно. Разве что со всем классом и с товарищ Лизой в дворец пионеров. И обязательно наказывала переходить улицы только на зелёный свет. И несколько раз переспрашивала, точно ли будет с нами товарищ Лиза.

Морская форма дяди Петра произвела на маму впечатление. Особенно кортик и галуны. Морская форма женщинам особенно нравится. И всё же мама поинтересовалась:

– А у вас что, тоже зимние каникулы?

– У меня сегодня свободный день, Клавдия Ивановна. Набежали вахтовые часы. Ребята попросили показать объект, над которым шефствует наш морской охотник. А объект этот в Сумгаите находится. Так что сами понимаете.

И вот мы в электричке. Ничего интересного за её окнами не было. Всё та же голая земля, что и в нашем Ази Асланова. Снега тоже не было. Совсем наоборот – земля почему-то чёрная. Даже верблюжья колючка. Пустынно и скучно. И я подумал, что самое время задать старшему мичману вопрос, который давно меня интересовал.

– Дядя Петя, ваш морской охотник из железа?

– Ну да, из стали. Как и остальные военные суда.

– А почему он не тонет? Если бы он был из дерева, как корабли в средние века, тогда понятно. А так получается...

Старший мичман, улыбаясь, посмотрел на Люсю.

– Племяшка, объясни товарищу, а то он странные вопросы задаёт. Вы физику проходите?

– Нет, в пятом классе начнём.

– Тогда понятно. Так вот, был в древней Греции великий ученый Архимед. Он и открыл закон выталкивающей силы воды. Корабль не тонет потому, что он вытесняет воду. И чем больше корабль вытесняет её, тем сильнее вода выталкивает его. Вот таким макаром всё и происходит. Потому и не тонет наш морской охотник. Это если в общих чертах. Подробно вам в пятом классе расскажут. – И старший мичман шутливо командует: – Приготовиться к десантированию! На горизонте показались промышленные корпуса!..

Люся возражает:

– Так ещё не приехали. – И вдруг спрашивает: – Дядя Петя, а почему женщин не берут в моряки?

– погоди, будут брать. Время ещё не настало. Впрочем, и сейчас на судах есть женщины. Например, медики, коки...

– Я про настоящих моряков. Как ты, например.

– От хорошего судового врача или умелого кока больше бывает пользы, чем от обычного матроса. Ну, мы с тобой на эту тему ещё потолкуем. А пока – встали! За мной!..

Вагон электрички полупустой, но на зычную команду старшего мичмана все поворачивают головы. Кое-кто улыбается, видимо, знают дядю Петра. Не зря его экипаж шефствует над строительством. Электричка тормозит, и через минуту мы уже на платформе. Но только мы, остальные едут дальше, к промышленным корпусам с густо дымящими трубами.

– Ну и запах! – фыркает Люся. При дяде она ведёт себя без обычной напористости, не так, как с ребятами нашего пионерского отряда.

– Нефть это тебе не духи «Красная Москва»! Двухэтажные дома видите? Это жилой квартал, в одном из домов находится квартира Чесноковых. Говорят, в жилом квартале воздух чище. Хотя по земле этого не скажешь. Заметили, какая чёрная? Это сажа из труб работающих заводов осела.

«Так вот почему мама не сушит белье, когда ветер с чёрного города!» – догадываюсь я. Сумгаит, конечно, не чёрный город, но, наверно, не уступает ему. Эти мысли на минуту

отвлекают меня от мыслей о Свете. Мне всё время кажется, что она никуда не уехала, это просто ошиблась почта. Сейчас я в этом смогу убедиться. От нетерпения у меня по телу мурашки...

– Дядя Петя, я конверт с адресом Светы забыла... – говорит вдруг Люся и едва не плачет. И останавливается, хотя мы ещё не дошли до жилого квартала с домами из красного кирпича.

– Всё нормально, племяшка. Я знаю и номер дома, и номер квартиры. – Старший мичман подмигивает мне. – Свои каналы большое дело, правда, Евгений? – Это он намекает на таинственную фразу, сказанную, когда мы смотрели по телевизору фильм «Верные друзья».

– Так точно.

– О, военная косточка, сразу чувствуется, из семьи офицера. Тогда – вперёд!

Мы заходим в подъезд одного из краснокирпичных домов. Встречают нас не слишком приветливо. На лестничной площадке первого этажа сидит за столом милиционер с усами и в португее.

– Чего надо? – Милиционер хмуро смотрит из-под густых бровей.

– Чеснокова надо, – в тон ему отвечает Люсин дядя и не отводит взгляда.

– Уехал.

– Куда?

– Не знаю.

– А если подумать.

– Сказал, не знаю!

– Спокойно, дорогой. Кровь у тебя горячая, понимаю, но давай не будем ссориться.

Милиционер молчит.

– Слышал про моряков, которые шефствуют над стройкой?.. Это экипаж нашего судна. Командир приказал передать секретный пакет подполковнику Чеснокову. Лично в руки. Запиши меня в свой журнал, я поднимусь в одиннадцатую квартиру и выполню приказ.

– Э, ты упрямый, как ишак!.. – Милиционер наконец сдается: – Давай свой военный билет.

Он неохотно берёт военный билет дяди Пети. Раскрывает корочки, внимательно смотрит на фотографию, потом на старшего мичмана. Вздыхает и возвращает документ. Предварительно записав в журнал фамилию Люсиного дяди с инициалами и время, когда мы появились.

– А вот это другое дело, – одобряет старший мичман, но сдержанно, вдруг самолюбивый милиционер обидится. – Ребята, за мной!

На втором этаже квартиру номер одиннадцать мы находим быстро. Но открывать нам не

спешат. От волнения у меня стучат зубы. Дядя Пётр ещё раз нажимает на звонок и долго держит на нём палец. Наконец из-за двери слышится:

– Дома никого нет.

Голос не Светин и даже не Эдькин. Может, гости с детьми к Чесноковым приехали?.. Ведь зимние каникулы.

– А кто тогда с нами говорит, если дома никого нет? – со смешком интересуется дядя Петя.

– Взрослых никого нет, – уточняет девчачий голос из-за двери. – Нам сказали никому не открывать. Нас предупредили, в Сумгаите разные люди живут.

– Чесноковы где? – не выдерживаю я.

– Какие еще Чесноковы? Мы никаких Чесноковых не знаем.

– Они в этой квартире жили.

– Наверно, уехали.

– Куда?

– А мы откуда знаем? – К первому голосу присоединился второй, тоже девчачий. – Уходите, а то вызовем милицию.

«Как оплеванные» – это о нас. По крайней мере, о Люсе и особенно обо мне. Лишь дядя Пётр как ни в чём ни бывало хладнокровно достал папиросу и закурил.

– Рано, ребята, сушить вёсла. Отыщем, Евгений, твою подружку, слово моряка.

– По своим каналам? – невесело шучу я.

– Вот именно. Идём к проходной завода. В отделе кадров у меня есть знакомые. Уж они-то всё знают.

ЗАПАСНОЙ АЭРОДРОМ

Приметы весны в нашем военном городке – это мелкие розовые цветки на кустах верблюжьей колючки. Они появлялись вместе с продолговатыми листиками. Но колючек на кустах меньше не становилось. Вместо отпавших появлялись новые, зелёные, однако такие же острые, злые. И как только верблюды их едят?..

Но это за забором нашей усадьбы. А возле дома оживали деревца тутовника, инжира, граната. Как и на побегах винограда, на них набухали почки. Мы с Виталькой пытались угадать, какая из почек станет листом, а какая кистью винограда. Даже спорили из-за этого.

Мама почему-то не торопила папу с торфом, хотя в прошлом году в это время на веранде уже стояли банки с рассадой. И папа молчал насчёт похода на гору дяди Гриши. Странно.

И совсем уж непонятно, почему папа взял отпуск в марте и поедет один. Обычно в папин отпуск мы ехали всей семьёй и летом, а не в начале весны.

«Что я буду делать в твоём Михайловске? На завод пойду или плоты по реке гонять буду?..» О чём негромко спорили вечерами родители, я не понимал. Мелькнула мысль о знатном свиноводе Чиже. Но папа-то здесь при чём?.. «Опять уши развесил?! – прикрикнула на меня мама. – Ну что за ребёнок? Всё ему надо знать. Немедленно в постель!» – Я огрызнулся: «Мне скоро одиннадцать. Ребёнка наша...» Папа засмеялся: «В дедушку Феодосия! Характер!»

Как родители ни скрывали своих планов, кое о чём я догадывался. В части застрелился офицер, которого хотели уволить в запас. Об этом только и говорили в Ази Асланова. К полковнику Гринько ходила жена этого офицера, плакала, просила дать дослужить до пенсии, куда-то писала, даже ездила в Москву, но ничего не добилась. Офицеры возмущаться остерегались, но их жены давали волю эмоциям.

Я, как и большинство поселковых мальчишек, знал о случившемся и боялся за папу. Он, конечно, не такой, как застрелившийся офицер, но мало ли что. Могли уволить и его, хотя

не так давно повысили в должности. У папы был фронтовой опыт, но не было высшего военного образования. Это могло послужить поводом. Нужно быть готовым ко всему. Искать запасной аэродром, как говорят взрослые.

Папа уехал как-то незаметно. Через неделю пришло письмо из Медвяного, папа был там. Конечно, можно и не уезжать нам из Ази Асланова, даже если папу и уволят из армии. Квартиры оставляли за уволенными, даже я понимал, насколько это было важно. А работу и на гражданке можно найти. Какой-то офицер устроился в пожарную часть с сохранением звания. Правда, ему приходилось далеко ездить, куда-то за Баку. Всё это я знал благодаря своим «развесистым ушам».

Квартира квартирой, но оставаться на юге мы не могли. Маме не подходил здешний климат. Она часто болела, была худой, весила всего пятьдесят килограммов. Папа писал рапорты с просьбой перевести служить в среднюю полосу России. Ему регулярно отказывали.

Это было ещё до волны сокращений. Теперь надеяться на перевод было несерьёзно. Но нет худа без добра, как говорится. Климат Краснодарского края маме вполне подходил. Не так жарко, как в Ази Асланова, и зимы на-

стоящие, со снегом, но мягкие. На этом «запасном аэродроме» родители и решили остановиться. Если что.

«Если что», оказывается, уже наступило. Папа знал об этом ещё до поездки в отпуск. Он решил использовать его, чтобы выяснить, на что может рассчитывать в родных краях. В райкоме партии ему пообещали должность инструктора. Должность невысокая, но для армейского политработника вполне подходящая. Своё дело, его особенности папа знал отлично. О нём даже в газете писали.

А мы с Виталькой были рады предстоящим переменам. Правда, придётся расстаться с Витькой и Шуркой Неклюдовыми, с Толиком Истрашкиным, моим лучшим другом в классе, с Люсей Чистяковой и другими ребятами. С Барбосом, которого мы любили. Однако новые места, как всех детей, нас привлекали. Свету я так и не нашёл, где она живёт – не узнал. Не смог мне помочь «по своим каналам» и Люсин дядя Пётр. Какой-то засекреченный стройбат, с досадой и злостью думал я. Нашли что секретить!..

Забегая намного вперёд, скажу: мы со Светой в этой жизни всё-таки встретились. Нашла меня она. На мой юбилей прилетела из-под Петербурга в Сибирь. Моложавая, живая,

знающая себе цену. У неё и у меня были уже внуки. Мы если и оставались двумя помеченными горошинами среди тысяч других, то уже заметно подсохшие.

После Светы у меня была ещё одна настоящая любовь, это уже в шестом классе. И всё. Света, как мне показалось, на все сто использовала свой незаурядный женский потенциал. Я же, в меру своих способностей, реализовался в литературе. Она, возможно, поглотила во мне всё то, что предназначалось любви.

Что ж, всё в жизни имеет свою цену.

«ЗАПОМИНАЙТЕ, РЕБЯТА!..»

Уезжали мы сразу после окончания учебного года. Помогать грузить вещи пришёл Саша Гудков. По просьбе папы, ему выписали увольнительную.

– Хотя бы так у нас побываешь. – Папа пожал Саше руку, хотя земляк собирался отдать честь, как полагается рядовому. – А то почти за год не нашёл времени зайти. Что, старшина не отпускал?

– Товарищ майор... – засмутился Гудков. – Не полагается мне за руку с офицером здороваться.

– Ладно-ладно, – отмахнулся папа. – Я уже

гражданский. А гражданским честь не отдают, можно и за руку поздороваться. Как у тебя со службой?

– В клуб оформителем перевели. Спасибо вам.

– Ну, ладно, не будем считаться. Земляки ведь. И не по блату берут – дело своё знаешь, доказал.

Контейнер с вещами родители отправили раньше, а под чемоданы и чтобы отвезти нас на вокзал, в части дали ЗИС. Пока папа и Саша Гудков грузили чемоданы и нужные в дороге вещи, прибежали прощаться Неклюдовы. Они увидели ЗИС и поняли, что мы уезжаем. Шурка, прощаясь, стал обниматься, Витька обещал писать и, как взрослый, пожал нам с Виталькой руки. Барбоса Неклюдовы решили взять к себе, так что можем не беспокоиться.

– Интересно, чего это она из-за дома выглядывает? – хмыкнул Витька. – Стесняется, что ли?

– Кто?

– Чистякова, ваша председатель совета отряда. Вон там. – Витька мотнул головой на соседний дом. – Такая боевая, а тут чего-то застеснялась. Влюбилась в тебя, что ли?

– Брось, так не бывает. Она подруга Светы.

– Как раз бывает! В кино показывали. Лучшие подруги отбивали парней у своих подруг.

– Пап, я сейчас... – бросил я отцу, который уже поглядывал в мою сторону.

Неужели Витька прав? Поэтому Люся и не давала мне Светин адрес, а ей мой? Защищала меня от Амалии Аркадьевны. В Сумгаите сказала, что забыла дома Светино письмо с обратным адресом...

– Люся, подожди, что-то спросить хочу! – крикнул я.

Чистякова секунду помедлила, а потом повернулась и побежала, не оглядываясь. Прыгала на спине её тяжёлая светлая коса. Я остановился. Сейчас всё равно ничего уже не изменить, даже если Витька и не соврал. Что я ей скажу? Что люблю Свету, а её нет? Глупо и ни к чему.

Я вернулся к машине.

Кроме Неклюдовых, проводить нас пришла тётя Настя Мелещенко. Пока папа и Саша Гудков выносили из дома багаж и грузили на ЗИС, она рассказала маме о недавнем скандале. Один уволенный, живший на другом конце городка, хотел получить деньги от офицера, которому достался его дом. Тот не пожелал платить за деревья, за ограду, за разработанный огород, за вложенный во всё это труд.

Уволенный, у которого нервы и так были на пределе, взял топор и принялся крушить всё, что сделал своими руками.

– У вас-то, Клава, как было? Смотрю, всё целое, только огород не засаженным остался.

– Нормального человека заселяют, тоже майор. Антон поводил его по участку, показал, что нами сделано. Договорились. Мы не в обиде.

– Удачи вам, Клава, на новом месте! Чтобы всё хорошо у вас там было. Напиши, когда устроитесь.

Соседки обнялись, всплакнули.

– Клавдия Ивановна, как бы нам на поезд не опоздать, – полушутя торопил папа. – Место в кабине заждалось вас.

– Извините, Антон Феодосьевич, это я виновата. Прощай, Клава! Пиши!..

Мы с Виталькой забрались в кузов и не могли понять, почему плакали мама и тётя Настя. Будто прощаются на всю жизнь. Это теперь я знаю, что так оно и было. Просто мы ещё не понимали.

Витька и Шурка попросились немного проехать с нами. Папа разрешил, он тоже забрался в кузов. Не доезжая до военторга, хлопнул ладонью по крыше кабины. ЗИС остановился, Неклюдовы спрыгнули на землю, стали махать нам руками.

Машина тронулась, и наш дом с краше-
ным забором, деревьями тутовника, зелёной
волной винограда, нахлынувшей на красную
черепичную крышу, становились всё меньше.
Сначала медленно, потом всё быстрее и бы-
стрее.

– Запоминайте, ребята, – сказал папа, обни-
мая нас за плечи. – Там мы жили. Там прошла
часть вашей жизни. Быть может, лучшая.

У меня до сих пор перед глазами удаляю-
щийся дом, наша усадьба «Зеленая». Потом
ЗИС свернул на брусчатку, и другие дома за-
слонили наш.

Будто его и не было.

Оглавление

Оглянувшись с любовью

<i>Папа приехал!..</i>	4
<i>У самого синего моря</i>	8
<i>Хозяин торфяной горы</i>	11
<i>Воспитание Черныша</i>	18
<i>День рождения девчатника Ляликовава</i>	22
<i>История Барбаросса</i>	26
<i>Клад капитана Флинта</i>	31
<i>Бунт на корабле</i>	37
<i>Усадьба «Зелёная»</i>	42
<i>Народный способ</i>	49
<i>Долгий счастливый день</i>	54
<i>Ура! Каникулы!</i>	60
<i>Брат за брата</i>	67
<i>Никита, я и чёрный кот</i>	72
<i>Большие ребята</i>	77
<i>Деньги</i>	83
<i>Победитель получает всё</i>	92
<i>Колечко из вазочки</i>	101
<i>Очень неприятный сюрприз</i>	105
<i>Прощальный подарок</i>	109
<i>Две одинаковые горошины</i>	112
<i>Когда б вы знали из какого сора</i>	117
<i>Молодёжь привезли</i>	122

Семь бед - один ответ.....	130
Кто на самолёте,кто на черепахе.....	137
Старший мичман Петраков.....	142
Ёлочные волнения.....	145
Ёлка и хор второгодников.....	150
Осечка.....	158
Запасной аэродром.....	165
Запоминайте, ребята!..	169

Литературно-художественное издание

Луцкий Сергей Артёмович

ОГЛЯНУВШИЕСЬ С ЛЮБОВЬЮ

Повесть о детстве

Компьютерная вёрстка, корректура
Луцкая Г.А.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАШ КРУГ»

ООО «ЭКОЭНЕРГОСЕРВИС»

Главный редактор А.В. Кожевников

Подписано в печать 09.04.2024г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печ.л. 11. Тираж 50 экз.

107392, г. Москва, ул. Халтуринская, 6А,

Тел.: +7 (925) 830-95-71

<https://nashkrug77.ru>

E-mail: nashkrug77@yandex.r

Сергей Артёмович Луцкий – один из видных писателей Югры и Западной Сибири, лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка, трижды лауреат премии губернатора ХМАО – Югры по литературе, лауреат Литературной премии УрФО и регионального конкурса Сибирская Иппокрена. член Союза писателей России. Заслуженный деятель культуры ХМАО – Югры. Отмечен медалью «За служение литературе».

Вот как о его творчестве отзывается классик югорской литературы Еремей Айпин: *«Произведения Сергея Луцкого унаследовали черты, изначально свойственные русской литературе: образное слово, весомую авторскую мысль, стремление героев к нравственным вершинам».*

С оценкой Айпина перекликается и мнение Николая Коняева, много сделавшего для развития литературы Югры: *«В своих книгах Сергей Луцкий показывает себя мастером психологического письма, способным отразить сокровенные изгибы человеческой души, её переливы».*

Коллегам по писательскому цеху вторит самобытная поэт и литературовед Ирина Рябий: *«Проза Сергея Луцкого – явление далеко не местного значения. Думаю, она перешагнёт не только географические рамки, но и временные, войдя в капитальный фонд русской литературы».*

Основания для подобных утверждений есть. Это книги, изданные в Москве и Екатеринбурге («Десять суток, не считая дороги», «Яблоко в жёлтой листве», «Ускользящее время», «На восток от Гольфстрима» и другие), а также книги, вышедшие в Тюмени и Кемерово («Пока светло», «Избранная проза в трёх томах»). Многочисленны публикации Сергея Луцкого в периодике – журналах «Юность», «Октябрь». «Наш современник», «Роман-газета», «Урал» и многих других литературно-художественных изданиях.

ISBN 978-5-00240-036-2

9 785002 400362 >